

**Министерство науки и высшего образования
Республики Казахстан
MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY**

КАРИМОВ ДАУЛЕТ МАМАЙУЛЫ

**Правовой статус объектов, созданных генеративным
искусственным интеллектом в Республике Казахстан**

образовательная программа 7М04210 - «Право интеллектуальной
собственности и Бизнеса»

**Магистерский проект на соискание академической степени
магистра права**

Астана, 2025

MMU Research Archive

**Министерство науки и высшего образования
Республики Казахстан
MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY**

«Допущен к защите»
Руководитель/координатор программы

«__» _____ 2025 г.

МАГИСТЕРСКИЙ ПРОЕКТ

На тему: «Правовой статус объектов, созданных генеративным
искусственным интеллектом в Республике Казахстан»

образовательная программа 7M04210 - «Право интеллектуальной
собственности и Бизнеса»

Выполнил

Каримов Д.М.

Научный руководитель

д.ю.н. Каудыров Т.Е.

Астана, 2025

MMU Research Archive

УТВЕРЖДАЮ
Руководитель/координатор программы

«__» _____ 2025 г.

Календарный план подготовки магистерского проекта

Наименование этапов проекта	Срок	отметка реализации этапов проекта			
		Фактич еский срок выпол нен ия	Степень готовности выполненн ого этапа проекта	Подпись магистр анта	Подпись научного руководи теля
Осуществлени е обзора литературы и практических материалов					
Разработка методологии					
Сбор и обработка данных					
Анализ и интерпретация полученных результатов					
Разработка рекомендаций по проекту					
Подготовка введения и заключения					
Оформление проекта: Подготовка I раздела проекта					
Подготовка II раздела проекта					

Подготовка III раздела проекта					
Получение отзыва научного руководителя					
Подготовка доклада, наглядных пособий и презентации					
Защита магистерского проекта					

Научный руководитель магистерского проекта

_____ д.ю.н. Каудыров Т.Е.

План принял к исполнению:

_____ Каримов Д.М.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	5
Введение	6
Раздел 1. Теоретические аспекты правового статуса объектов, созданных генеративным искусственным интеллектом	9
1.1. Обзор существующих теорий и практик по правовому статусу искусственного интеллекта	9
1.2. Анализ международного опыта и законодательства в области искусственного интеллекта	12
1.3. Определение ключевых понятий и терминологии искусственного интеллекта и объектов, созданных искусственным интеллектом	15
Раздел 2. Правовой статус объектов, созданных генеративным искусственным интеллектом в Республике Казахстан	18
2.1. Анализ текущего законодательства Республики Казахстан	18
2.2. Исследование правовой практики, связанной с искусственным интеллектом в Республике Казахстан и за рубежом	21
2.2.1. Практика Казахстана	21
2.2.2. Практика США	22
2.2.3. Практика Великобритании	26
2.2.4. Практика Европейского Союза	27
2.2.5. Практика Китая	30
2.3. Сравнительный анализ, оценка общих проблем и пробелов	31
Раздел 3. Совершенствование правового регулирования искусственного интеллекта в Республике Казахстан	33
3.1. Представление авторских рекомендаций по улучшению законодательства Республики Казахстан	33
3.2. Анализ возможных последствий предложенных авторских рекомендаций	36
3.3. Наличие потенциальных проблем и рисков в связи с предложенными изменениями	38
Заключение	40
Библиография	44
Сравнительная таблица представленных авторских рекомендаций по улучшению законодательства Республики Казахстан	52

MMU Research Archive

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИИ
РК
США
ЕС
ГК

ИИ
Республика Казахстан
Соединенные Штаты Америки
Европейский союз
Гражданский кодекс

MMU Research Archive

Введение

Предыстория правовой проблемы и обоснование актуальности темы

Современный этап цифровой трансформации характеризуется стремительным развитием генеративного ИИ — технологий, способных автономно создавать тексты, изображения, программные коды и иные объекты интеллектуальной собственности. Глобальный спрос на технологии ИИ и сопутствующих отраслей влечет за собой как развитие экспертизы, так и нормативной базы. Подобные системы бросают вызов традиционным правовым категориям, таким как авторство, правосубъектность и ответственность. В Республике Казахстан, где цифровизация объявлена национальным приоритетом¹, отсутствие специализированного регулирования объектов, созданных ИИ, формирует правовые риски, но с другой стороны своевременная реакция государства на растущую популярность ИИ может послужить хорошим экономическим и социальным импульсом для страны².

Создание хорошей и полноценной правовой базы является одной из приоритетных целей политики цифровизации Казахстана³. На данный момент отсутствие регулирования вызывает ряд правовых проблем, поскольку, к примеру, определение авторства объектов, сгенерированных ИИ и момент создания такого произведения являются ключевыми и существенными в авторском праве. Данный вопрос наряду с Казахстаном возникает и в других зарубежных странах⁴. На сегодняшний день каждая страна, по мере возникновения вопроса регистрации сгенерированных ИИ объектов, создает свою правоприменительную практику по данному вопросу, однако унифицированный подход еще не выработан.

¹ Цифровая трансформация: как в Казахстане улучшают качество жизни с помощью технологий [Электронный ресурс] // PrimeMinister.kz. – 2024. – 11 декабря. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/tsifrovaya-transformatsiya-kak-v-kazakhstane-uluchshayut-kachestvo-zhizni-s-pomoshchyu-tehnologii-29455>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

² Astana Hub, 'ИИ как драйвер будущего: Казахстан развивает экосистему ИИ' (17 апреля 2025) <https://astanahub.com/ru/article/ii-kak-draiver-budushchego-kazakhstan-razvivaet-ekosistemu-iskusstvennogo-intellekta> accessed 17 April 2025.

Astana Hub, 'Подростки смогут бесплатно обучаться азам анимации и программированию' (17 апреля 2025) <https://astanahub.com/ru/article/podrostki-smogut-besplatno-obuchatsia-azam-animatsii-i-programmirovaniyu> accessed 17 April 2025.

³ Елисеева Е. В Мажилисе презентовали законопроект об ИИ [Электронный ресурс] // Zakon.kz. – 2025. – 3 марта. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6469053-v-mazhilise-prezentovali-zakonoproekt-ob-iskusstvennom-intellekte.html>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

⁴ Chris Weston, Maria Strong, Peter Yu, Shira Perlmutter, *International Copyright Issues and Artificial Intelligence* (26 July 2023) <https://www.copyright.gov/events/international-ai-copyright-webinar/International-Copyright-Issues-and-Artificial-Intelligence.pdf> accessed 16 April 2025.

Актуальность данной правовой проблемы подчеркивает Правительство Республики Казахстан, которое, наряду с поощрением развития цифровых технологий в стране, также указывает на существующие пробелы в законодательстве и необходимость совершенствования режима охраны результатов общего творчества человека и ИИ⁵. На текущем экономическом этапе Казахстана необходимо своевременное вовлечение законодателей в процесс урегулирования ИИ в контексте интеллектуальной собственности, поскольку, как показывает мировая статистика в отношении развития интеллектуальной собственности: чем страна богаче, тем она заинтересованнее в развитии области интеллектуальной собственности⁶. Поскольку развития ИИ сопровождается вызовами в сфере интеллектуальной собственности, будет корректно обсуждать и исследовать два вопроса взаимосвязано.

Цели и задачи проектного исследования

- демонстрация существующей актуальности темы как на законодательном уровне, так и на уровне судебной практики;
- анализ текущего законодательства Республики Казахстан на предмет регулирования правового статуса объектов, созданных ИИ;
- сравнительно-правовой анализ и исследование существующих теорий и практик определения правового статуса ИИ в контексте международной судебной практики;
- разработка авторских рекомендаций, направленных на усовершенствование текущего законодательства;
- продемонстрировать ключевые рекомендации для дальнейших исследований в направлениях связанных с данной темой.

Постановка исследовательского вопроса

Выбранная тема исследования представляет собой определение текущего правового статуса объектов, созданных генеративным ИИ путем выявления преимуществ и недостатков в законодательстве Республики Казахстан, а также сравнение практического зарубежного опыта. Исходя из этого, постановка

⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 “Об утверждении Концепции развития ИИ на 2024 – 2029 годы” <https://zakon.kz/> accessed 16 april 2025.

⁶ Yulia Anatolyevna Kaftulina and Margarita Anatolyevna Gorshkova, 'BRICS countries in the world market of intellectual property' (2021) Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal, No 1 (65) Art #6521 <https://eee-region.ru/article/6521/> accessed 16 April 2025.

исследовательского вопроса выглядит следующим образом: необходимо определить какие действующие нормы в законодательстве Республики Казахстан регулируют правовой статус объектов, созданных генеративным ИИ; какие рекомендации могут быть приняты для внесения их в проект закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» для приемлемого правового регулирования объектов, созданных генеративным ИИ; какие потенциальные правовые и социальные последствия могут возникнуть в результате предложенных рекомендаций.

Исследование будет направлено на выявление уязвимых зон, поиску наиболее подходящих решений и формированию предложений по улучшению правовой среды, что важно для поддержания правовой определенности в условиях быстрого роста цифрового развития в стране.

Раздел 1. Теоретические аспекты правового статуса объектов, созданных генеративным искусственным интеллектом

1.1. Обзор существующих теорий и практик по правовому статусу искусственного интеллекта

В эпоху цифровой эволюции технологии ИИ развиваются с поразительной скоростью, придавая импульс мировой экономике⁷, что приводит к возникновению новых вопросов и вызовов в интеллектуальной деятельности, ранее не встречавшихся в правовой практике. Генеративные системы ИИ уже сегодня позволяют создавать произведения искусства, тексты, программные коды и другие объекты, обладающие высокой степенью оригинальности. Однако традиционные правовые концепции, основанные на антропоцентризме, не всегда способны адекватно отражать специфику автоматизированного творчества, что создает правовой вакуум, требующий пересмотра существующих нормативных подходов. Как отмечают зарубежные исследователи, установление четких критериев творческого вклада является *sine qua non*⁸ для эффективной охраны объектов интеллектуальной собственности⁹.

В современной правовой науке можно выделить три основных подхода к определению правового статуса объектов, созданных генеративными системами ИИ: антропоцентрический подход, гибридный подход, а также техноцентрический подход.

Первая модель исходит из того, что авторство и правосубъектность присущи исключительно физическим лицам или юридическим лицам, созданным человеком. Согласно этой доктрине, произведение охраняется лишь при условии существенного творческого вклада человека. В судебной практике США, например, в деле *Thaler* против *USPTO*, было подчеркнуто, что «только физическое лицо с правосубъектностью может считаться изобретателем»¹⁰, что иллюстрирует данную позицию *de jure*¹¹.

Применение этого подхода особенно распространено в странах континентальной правовой системы, включая Республику Казахстан,

⁷ Dulatbek Ikbaev and Denis Emelyantsev, 'McKinsey: K 2030 godu vklad II v mirovoi VVP dostignet \$13–20 trln' (6 July 2024) <https://forbes.kz/articles/mckinsey-k-2030-godu-vklad-ii-v-mirovoy-vvp-dostignet-13-20-trln-824162> accessed 16 April 2025.

⁸ *Sine qua non* — латинское выражение, обозначающее необходимое условие

⁹ Talkin' 'Bout AI Generation: Copyright and the Generative-AI Supply Chain Katherine Lee, A. Feder Cooper, James Grimmelmman <https://arxiv.org/abs/2309.08133>, <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/3614407.3643696>

¹⁰ *Stephen Thaler v. United States Patent and Trademark Office*, Case No. 1:20-cv-00903 (E.D. Va. 2021).

¹¹ Katherine Lee, A. Feder Cooper, James Grimmelmman, *Journal of the Copyright Society of the U.S.A.* (forthcoming 2024): "Talkin' 'Bout AI Generation: Copyright and the Generative-AI Supply Chain" доступно по ссылке <https://arxiv.org/pdf/2309.08133>

где действующее законодательство не признаёт за ИИ какого-либо уровня субъектности, а действия алгоритмов трактуются как результат человеческого вмешательства. Основным аргументом сторонников антропоцентрического подхода является то, что предоставление правосубъектности ИИ может создать коллизию с основами деликтного, договорного и уголовного права¹², поскольку ИИ, в отличие от человека, не способен осознавать последствия своих действий, принимать обоснованные решения с учётом моральных норм и нести моральную ответственность. При данном подходе, вся юридическая ответственность в рамках данного подхода возлагается исключительно на человека, стоящего за действиями ИИ.

При гибридном подходе некоторые исследователи выдвигают идею возможности признания совместного авторства, где итоговый результат является продуктом взаимодействия человека и алгоритма. В этой парадигме генерируемое ИИ произведение может охраняться авторским правом, если творческий выбор оператора был существенным. Такая модель, позволяющая учесть как элемент «human input», так и алгоритмическую составляющую, уже нашла отражение в некоторых судебных решениях Китая, где применяется модель co-authorship, допускающая участие ИИ в качестве инструмента творчества¹³. Гибридный подход представляет собой попытку интеграции достоинств как антропоцентрической, так и техноцентрической модели. Основной идеей здесь выступает дифференциация правового регулирования в зависимости от уровня автономности конкретной ИИ-системы, а также сферы её применения. Такой подход позволяет избежать универсализации решений, не учитывающих специфику функционирования разных видов ИИ.

Сторонники гибридного подхода предлагают ввести шкалу автономности, на основании которой будет определяться, какой уровень правового статуса может быть применён к конкретной системе: от полной технической несамостоятельности (и, соответственно, полной юридической ответственности человека) — до высокой автономности с ограниченной функциональной субъектностью¹⁴. В случае высокоавтономных систем возможно предусмотреть введение элементов распределения

¹² Lütge, C., Mittelstadt, B. D., & Taylor, M. J. (Eds.). (2021). *The ethics of artificial intelligence: Anthropocentric perspectives*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-69978-9>

¹³ Franceschelli, G., & Musolesi, M. (2025). *Copyright in generative deep learning* (Version 5). arXiv. доступно по ссылке <https://arxiv.org/pdf/2105.09266>

¹⁴ Ugo Pagallo, *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts* (Springer 2013) <https://books.google.kz/books/about/TheLawsofRobots.html?id=ZJhB7KHuoUC&rediresc=y> accessed 16 April 2025.

ответственности, делегированной между производителем, оператором и самой системой.

На данный момент гибридный подход остается наиболее перспективным с точки зрения адаптации правовой системы к быстро меняющимся условиям цифровой трансформации. Он предлагает не статичную, а динамическую модель регулирования, позволяющую одновременно сохранять стабильность правопорядка и учитывать технический прогресс.

Третий подход - это техноцентрический подход, согласно которому ИИ рассматривается как автономный субъект, потенциально обладающий определённой правосубъектностью (AI personhood theory). Приверженцы данного подхода, такие как Гэбриэл Хеллеви, предлагают ввести концепцию "электронного лица" (electronic person), аналогичную корпоративной правосубъектности, с возможностью признания ИИ носителем прав и обязанностей *de jure*¹⁵. Пока данный подход существует лишь как теоретический механизм, применение которого ставит перед законодателями еще больше вопросов, чем два предыдущих подхода.

Систематизация теоретических подходов позволяет сделать следующие выводы:

Антропоцентрический подход, преобладающий в большинстве национальных правопорядков, в том числе и в Казахстане, обеспечивает стабильность и юридическую предсказуемость, однако не способен в полной мере охватить случаи, когда вклад человека в создание результата с использованием ИИ является минимальным. В то же время, техноцентрический подход, несмотря на свою концептуальную новизну, порождает больше вопросов, чем даёт ответов, особенно в части реализации прав, исполнения обязанностей и привлечения к ответственности.

Традиционные принципы охраны авторских прав и правосубъектности не учитывают особенности генеративных технологий ИИ, что требует разработки новой теоретической базы. Это включает уточнение понятий, определение минимального порога творческого вклада и разработку критериев для распределения ответственности. Можно предположить, что эффективное регулирование возможно при условии сочетания антропоцентричного подхода с элементами гибридного авторства. В перспективе такая модель может быть адаптирована для Республики Казахстан, что позволит гармонизировать законодательство с технологическим скачком в индустрии ИИ.

¹⁵ Gabriel Hallevy, *When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law* (Springer 2013) https://books.google.kz/books?hl=ru&lr=&id=5FvO0aeKp_AC&oi=fnd&pg=PR3&dq=When+Robots+Kill:+Artificial+Intelligence+under+Criminal+Law+&ots=kxCzizNs31&sig=WkLLsNJJMgcnod2nl2mjP_kvVHs&redir_esc=y#v=onepage&q=When%20Robots%20Kill%3A%20Artificial%20Intelligence%20under%20Criminal%20Law&f=false accessed 16 April 2025.

Таким образом, наиболее гибким и адаптивным к современным технологическим реалиям представляется гибридный подход, предполагающий дифференцированный правовой режим в зависимости от степени автономности ИИ-системы и характера участия человека. Он позволяет учитывать как фактическое содержание творческого вклада, так и функциональные особенности технологии, предлагая более взвешенное распределение прав и обязанностей между субъектами. Введение шкалы автономности и концепции распределённой ответственности может стать важным шагом на пути к созданию сбалансированной системы регулирования, способной обеспечить как защиту прав разработчиков и пользователей, так и стимулирование инноваций.

1.2. Анализ международного опыта и законодательства в области искусственного интеллекта

Отсутствие универсального подхода к правовому статусу объектов, созданных ИИ, обуславливает значительное расхождение в законодательных и судебных практиках различных государств. Вместе с тем, анализ зарубежных моделей регулирования позволяет выявить ключевые векторы правовой эволюции и выработать ориентиры для совершенствования национального законодательства Республики Казахстан.

Европейское патентное ведомство придерживается антропоцентрического подхода, которое в решении по заявке на изобретение, созданное системой DABUS, указало, что «закон требует, чтобы изобретатель был человеком»¹⁶. Аналогичная правовая позиция прослеживается в действующем законодательстве Австралии¹⁷ и США, где законодатель и судебные органы не признают субъектности за ИИ. В частности, в деле *Stephen L. Thaler против USPTO* суд США подчеркнул, что «автором может быть только естественное лицо»¹⁸.

Стремительный курс развития страны в сфере цифровизации придерживается и Королевство Саудовской Аравии. Страна придерживается традиционного антропоцентрического подхода при регулировании прав интеллектуальной собственности, в соответствии с которым автором произведения может быть признано исключительно физическое лицо, наделённое сознанием и творческим намерением. Действующее законодательство об

¹⁶ Stephen L. Thaler [2021] APO 5 (9 February 2021), para. 26.

¹⁷ Mark Summerfield, 'DABUS Denied Down Under – Australian Patent Office Formally Rejects AI Inventor' (26 February 2021) <https://blog.patentology.com.au/2021/02/dabus-denied-down-under-australian.html> accessed 16 April 2025.

¹⁸ Stephen Thaler v. United States Patent and Trademark Office, Case No. 1:20-cv-00903 (E.D. Va. 2021)

авторском праве Саудовской Аравии «Royal Decree No. M/41» не содержит специальных положений о признании авторства за ИИ и не предусматривает возможности предоставления правовой охраны произведениям, созданным автономными системами генеративного ИИ без участия человека¹⁹. Тем не менее, учитывая стратегический курс Королевства на цифровизацию и активное внедрение ИИ в рамках национальной программы Vision 2030, неизбежно возникновение вопросов о необходимости законодательной адаптации к новым технологическим реалиям²⁰. Несмотря на антропоцентрический подход Королевства, практика регистрирующих органов Королевства демонстрирует, что в случаях создания объекта с использованием ИИ допустимо косвенное признание авторства за физическим лицом, если оно осуществило достаточный интеллектуальный вклад, выраженный в постановке задач, выборе и компоновке материалов либо редактировании результата работы алгоритмов. При этом автономные результаты, сгенерированные ИИ без минимального участия человека, на сегодняшний день не признаются объектами авторского права и не подлежат правовой охране, что согласуется с общемировой юридической доктриной и практикой²¹.

В то же время, в ряде юрисдикций наблюдаются элементы гибридного подхода. Так, в Китае в 2019 году Пекинский интернет-суд признал охраноспособным литературное произведение, сгенерированное алгоритмом, при условии, что человек осуществлял творческий надзор за процессом создания текста.²² Эта модель учитывает соавторство между человеком и машиной, придавая юридическую значимость человеческому вкладу в процесс генерации контента. В Великобритании законодательство допускает охрану произведений, созданных компьютером, если «автором считается лицо, которое приняло необходимые меры для создания произведения»²³.

¹⁹ Copyright Law of Saudi Arabia (promulgated by Royal Decree No. M/41 of 2 Rajab 1424H (August 30, 2003)) <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/3593> accessed 16 April 2025.

²⁰ Melissa Murray, Richard Gaugeler and Sarah Batarfi, 'Saudi Arabia pioneers regulation of Artificial Intelligence in the Gulf Region with proposed new Intellectual Property Law' (6 July 2023) <https://www.twobirds.com/en/insights/2023/global/saudi-arabia-pioneers-regulation-of-artificial-intelligence> accessed 16 April 2025.

²¹ Reem AlMarzouqi, 'The Patentability of Artificial Intelligence Invention: The Case of Kingdom of Saudi Arabia' (2022) WIPO IP Conference GE 2/22 https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_conv_ge_2_22/wipo_ip_conv_ge_2_22_p4_6.pdf accessed 16 April 2025.

²² Yuqian Wang and Jessie Zhang, 'Beijing Internet Court Grants Copyright to AI-Generated Image for the First Time' (2 February 2024) <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/02/02/beijing-internet-court-grants-copyright-to-ai-generated-image-for-the-first-time/> accessed 16 April 2025

²³ UK Copyright, Designs and Patents Act 1988, s.9(3) <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9> accessed 16 April 2025.

Отдельного внимания заслуживает техноцентрический подход, продвигаемый отдельными исследователями, в частности, Пагалло, Герва и Геллер, которые высказываются за возможность признания ИИ субъектом права, обладающим функциональной или ограниченной правосубъектностью²⁴. Хотя данный подход пока не получил широкого применения в законодательной и судебной практике, он представляет теоретическую значимость для дальнейшего развития правовой доктрины и может быть полезен в контексте анализа высокоавтономных ИИ-систем, функционирующих без значительного вмешательства со стороны человека.

На основании проведённого анализа в таблице ниже обобщены ключевые особенности подходов в различных юрисдикциях:

Страна	Подход	Судебная практика / Законодательство	Правосубъектность
США	Антропоцентрический	<i>Thaler v. USPTO</i> (2022), отказ в регистрации изобретения от имени ИИ	ИИ не является субъектом права
Великобритания	Гибридный	<i>Thaler v. Comptroller General</i> , Закон о копирайте 1988 года	Автор — лицо, инициировавшее процесс
ЕС	Антропоцентрический	Решения Европейского патентного ведомства (DABUS)	Автор — только человек
Китай	Гибридный	Пекинский интернет-суд (2019), дело об авторстве текста, сгенерированного ИИ	Признание охраноспособности при участии человека
Саудовская Аравия	Техноцентрический	Экспериментальные доктрины	Признание охраноспособности при участии человека

²⁴ Pagallo, U. (2013). The laws of robots: Crimes, contracts, and torts. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-6564-0> accessed 16 April 2025.

Таким образом, анализ зарубежной практики демонстрирует отсутствие единого универсального подхода и подчёркивает необходимость выработки сбалансированной модели регулирования. Для Казахстана, стремящегося к цифровой трансформации и интеграции в глобальное правовое пространство, изучение данных моделей может стать основой для формирования собственной правовой доктрины, сочетающей принципы правовой определённости с технологической гибкостью. Согласно анализу мирового подхода видно, что наиболее гибким и быстрым к применению является гибридный подход. Китай и Великобритания являются приверженцами гибридного подхода, поэтому при выработке Казахстаном курса на гибридный подход, необходимо будет принимать во внимание практику этих стран.

1.3. Определение ключевых понятий и терминологии искусственного интеллекта и объектов, созданных искусственным интеллектом

Современная правовая наука сталкивается с необходимостью уточнения понятийного аппарата в области регулирования ИИ, особенно в контексте создания объектов, генерируемых с его участием. Отсутствие общепринятых и юридически закреплённых дефиниций порождает терминологическую неопределённость, затрудняющую правоприменение и нормотворчество. В связи с этим необходимо определить ключевые категории, имеющие значение для формирования правового режима ИИ и производных от него объектов.

Согласно определению Европейской комиссии, ИИ представляет собой «систему, демонстрирующую поведение, имитирующее интеллект, включая обучение, рассуждение и самокоррекцию»²⁵. В Докладе Европейского парламента 2020 года подчёркивается, что ИИ может принимать решения и выполнять задачи, которые традиционно требуют человеческого интеллекта.²⁶ В национальном контексте в Казахстане пока отсутствует официальное определение ИИ и его категоризации по степени автономности. Последней инициативой в этом направлении был законопроект “Об

²⁵ European Commission, EIT Digital, *A European Approach to Artificial Intelligence: A Policy Perspective* (2020) ISBN 978-91-87253-64-5 <https://www.eit.europa.eu/sites/default/files/eit-digital-artificial-intelligence-report.pdf> accessed 16 April 2025.

²⁶ European Parliament, *Resolution of 20 October 2020 on Intellectual Property Rights for the Development of Artificial Intelligence Technologies* (2020/2015(INI)) <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TEXT/PDF/?from=EN&uri=CELEX%3A52020IP0277> accessed 16 April 2025.

Искусственном Интеллекте” представленный общественности в январе 2025 года²⁷.

Наиболее часто встречающееся научное определение ИИ трактует его как “совокупность программных и аппаратных средств, способных к обработке информации, принятию решений и обучению без прямого вмешательства человека”²⁸. Такое понимание охватывает широкий спектр технологий, включая машинное обучение, нейросети, генеративные модели и др. Особое значение имеет разграничение понятий “объект, созданный с использованием ИИ” и “объект, созданный ИИ автономно”. В первом случае речь идёт о программных продуктах или произведениях, в создании которых человек играет существенную роль, включая выбор параметров генерации, обучение модели и отбор результатов. Во втором случае рассматриваются объекты, сгенерированные без непосредственного вмешательства человека в момент создания, что актуализирует вопрос правового статуса таких результатов. Согласно Международной ассоциации по защите интеллектуальной собственности (AIPPI), объект, созданный ИИ, должен быть признан охраноспособным при наличии “субъективного контроля или творческого выбора со стороны человека”²⁹. Аналогичный гибридный подход зафиксирован в решениях судов Китая и Великобритании, где подчёркивается необходимость участия человека для признания авторства.

Согласно пп. 1), ст.1 проекта Закона РК «Об искусственном интеллекте» дано следующее понятие: «искусственный интеллект - информационно-коммуникационная технология, позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений». Предложенная формулировка широко описывает термин ИИ. Если сравнивать его с тем же определением, которое дает Европейская комиссия, то можно увидеть, что функция ИИ именно имитировать интеллект человека. Необходимо заметить и принимать во внимание то, что ИИ также имеет функции обучаться, однако данная способность не упомянута в предложенном термине проекта вышеназванного Закона.

Таким образом, в настоящее время в законодательстве РК нет официального юридического термина ИИ, а его точное определение

²⁷ Olzhas Bektenov, 'Kazakhstan Developed AI Strategy and Law' (31 January 2025) https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-razrabotal-strategiyu-zakon-iskusstvennom-561268/ accessed 16 April 2025.

²⁸ Stuart J. Russell and Peter Norvig, *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (4th edn, Pearson 2021) <https://www.pearsonhighered.com/assets/preface/0/1/3/4/0134610997.pdf> accessed 16 April 2025.

²⁹ AIPPI, *Resolution on Copyright in Artificially Generated Works* (18 September 2019) https://www.aippi.org/content/uploads/2022/11/Resolution_Copyright_in_artificially_generated_works_English.pdf accessed 16 April 2025.

играют важную роль, поскольку формирование точного и согласованного понятийного аппарата имеет ключевое значение для дальнейшего развития законодательства в области ИИ. Оно обеспечивает фундаментальную предсказуемость правоприменения, способствует защите прав участников цифровых процессов и формирует основу для трансграничной гармонизации норм. Исходя из этого, в последующих разделах настоящей работы будет уделено внимание и будут предложены авторские рекомендации по расширению термина ИИ.

Раздел 2. Правовой статус объектов, созданных генеративным искусственным интеллектом в Республике Казахстан

2.1. Анализ текущего законодательства Республики Казахстан

Развитие генеративных технологий ИИ в Казахстане влечёт за собой необходимость актуализации и трансформации существующих нормативно-правовых механизмов, обеспечивающих охрану и регулирование объектов, создаваемых с его участием. В этом контексте правовая система Республики Казахстан находится на стадии формирования подходов, направленных на юридическое осмысление феномена ИИ и правового статуса продуктов его деятельности.

Анализ действующего законодательства Республики Казахстан демонстрирует, что на сегодняшний день в национальной правовой системе отсутствует комплексный нормативный акт, регулирующий статус объектов, созданных ИИ, а также сам ИИ как субъект или объект правового регулирования. Тем не менее, в различных отраслях законодательства наблюдаются попытки фрагментарного осмысления и внедрения регулятивных механизмов, связанных с использованием ИИ. В частности, Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» содержит положения, согласно которым автором произведений может быть исключительно физическое лицо. Согласно пункту 1 статьи 2 данного Закона, «автор - физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства»³⁰. Таким образом, объекты, созданные без участия человека, в том числе с использованием автономных ИИ-систем, не могут быть признаны охраноспособными в рамках текущего правового антропоцентрического подхода.

На сегодняшний день действующим на территории Республики Казахстан нормативно-правовым актом, в котором упоминается ИИ является Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. Поскольку в указанном законе ИИ упоминается только в контексте национальной платформы, то сам правовой статус ИИ и его объектов *de jure*³¹ остается открытым и неурегулированным.

Отсутствие специального нормативного регулирования в Казахстане приводит к неопределённости в вопросах ответственности ИИ и охраны прав на результаты деятельности ИИ, что, в свою очередь, порождает правовые риски и потенциальные

³⁰ Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І "Об авторском праве и смежных правах" <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000006> accessed 16 April 2025.

³¹ с лат. - юридически

правовые пробелы во взаимоотношениях между государством, разработчиками, пользователями и третьими лицами. В то же время отечественная правовая доктрина начинает осмыслять необходимость адаптации законодательства к реалиям цифровой эпохи. Так, в ряде научных публикаций подчёркивается важность создания юридических конструкций, способных учитывать соавторство человека и ИИ, а также возможность охраны результатов, полученных в процессе автоматизированного творчества³². Несмотря на отсутствие единого подхода к решению, бесспорным остается то, что в ближайшее время регулирование технологий ИИ должно произойти на законодательном уровне.

На фоне обозначенной нормативной неопределённости особый интерес представляет обсуждаемый законопроект Республики Казахстан «Об Искусственном Интеллекте», разработанный Министерством цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности. Законопроект был представлен в январе 2025 году и нацелен на систематизацию и формализацию регулирования в области ИИ. Среди ключевых положений проекта необходимо выделить: закрепление определения ИИ; классификация ИИ-систем по степени автономности; установление требований к этическим и правовым аспектам применения ИИ; определение круга ответственных лиц. Несмотря на важность предложенного проекта, в нём не нашло отражения положение о правовом статусе ИИ и объектов, созданных ИИ. Если идти от обратного, то можно додумать, что законодатель не собирается наделять правовым статусом ИИ и его объекты, соответственно, как пишет профессор НАО «Университет Нархоз» С.И.Климкин: *«В этой связи следует рассматривать как юридически некорректные такие термины, как «правовой статус» или «правовое положение» ИИ, но использовать термин «правовой режим», как это и сделано в Проекте»*³³, будет корректнее использовать термин правовой режим

³² Wen Z., Tong D. Analysis of the legal subject status of artificial intelligence [Электронный ресурс] // Beijing Law Review. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – Режим доступа: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=122946>, свободный. – Дата обращения: 07.02.2025.

Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности ИИ: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – Вып. 3 (41). – С. 190–206. – DOI: 10.58741/231348522023320. – Режим доступа: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729278/>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

³³ С.И. Климкин, 'ИИ: мифы и реальность' (16 апреля 2025) Университет Нархоз и НИИ частного права Каспийского университета https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39256954&searchId=97de68ad-e348-43ef-87da-7461d5da182d&pos=58;14#pos=58;14&sdock_params=text%3D%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%25D1%2583%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%2520%25D0%25B8%25D0%25BD%25D1%2582%25D0%25B5%25D0%25BB%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D39256954%26pos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1%26sort%3D3&sdock_pos=0 accessed 16 April 2025.

для самого ИИ и его объектов. Законопроект преимущественно ориентирован на регулирование рисков, этических стандартов и ограничение негативного воздействия ИИ на общество. Для полного и широкого охвата содержания законопроекта особое внимание ему будет уделено в главе 3 настоящего проекта.

Вместе с тем, в Проекте впервые закрепляется возможность привлечения к ответственности. Обсуждение внедрения уголовной и административной ответственности за последствия деятельности ИИ также свидетельствует о постепенной трансформации казахстанского законодательства в сторону признания специфики данных технологий. Как отмечается в новостной публикации «Штраф за воздействие ИИ на человека появится в Казахстане», соответствующие изменения планируется внедрить в КоАП и УК РК, с целью обеспечения баланса между инновациями и защитой прав человека.³⁴

Научные исследования казахстанских правоведов также указывают на пробелы в правовом регулировании. Так, в статье доцента кафедры медицинского права и этики Медицинского университета Астана Тлембаевой Ж.У. подчёркивается, что использование ИИ в здравоохранении требует надлежащего нормативного обеспечения, включая вопросы правовой ответственности, сертификации алгоритмов и защиты персональных данных³⁵. В другом исследовании под редакцией Сидоровой Н. В., Дулатбекова Н. О. и Кусаиновой Л. К. подчёркивается, что существующие нормы, касающиеся цифровых технологий, в том числе ИИ, остаются разрозненными и не способны обеспечить системный правовой подход³⁶.

Таким образом, анализ текущего законодательства Республики Казахстан позволяет сделать вывод о его текущем фрагментарном и в основном декларативном характере в части ответственности ИИ и регулирования объектов, созданных ИИ. Однако положительные сдвиги в виде законопроекта об ИИ показывает стремление Казахстана быть частью меняющегося мира.

³⁴ Штраф за воздействие ИИ на человека появится в Казахстане [Электронный ресурс] // MyBuh.kz. – Режим доступа: <https://mybuh.kz/useful/shtraf-za-vozdeystvie-iskusstvennogo-intellekta-na-cheloveka-poyavitsya-v-kazakhstane.html>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

³⁵ Тлембаева Ж. У. О правовом регулировании использования ИИ в здравоохранении Республики Казахстан [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-regulirovanii-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-zdravoohranenii-respubliki-kazahstan/viewer>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

³⁶ Сидорова Н. В., Дулатбеков Н. О., Кусаинова Л. К. Artificial Intelligence as a legal category and object of legal regulation // Вестник Карагандинского университета. – 2024. – 1 октября. – DOI: <https://doi.org/10.31489/2024/3/78-90>. – Дата обращения: 07.04.2025.

2.2. Исследование правовой практики, связанной с искусственным интеллектом в Республике Казахстан и за рубежом

2.2.1. Практика Казахстана

В 2023 году в Национальном институте интеллектуальной собственности Казахстана практикующим юристом Шынғысом Темиром были зарегистрированы права на графический роман, созданный с использованием ИИ³⁷. Этот кейс является значимым событием в сфере интеллектуальной собственности Казахстана, поскольку он демонстрирует практическую возможность охраны произведений, выполненных с использованием современных технологических средств, даже в условиях несовершенной нормативной базы. Суть производного произведения заключается в графическом романе, который состоит из изображений и текста, сгенерированных ИИ, но расположенных в авторском порядке. Творческий вклад Шынғыса Темира состоит в авторском расположении объектов ИИ и, поскольку изображения не принадлежат Шынғысу, он депонирует данное произведение как составное³⁸. В данном случае Шынғыс Темир сумел доказать, что его творческий вклад, выраженный в концептуальном замысле, композиции и эстетическом оформлении произведения, является достаточным для получения правовой охраны в рамках действующего законодательства, несмотря на антропоцентрический подход Казахстана в данном вопросе.

Этот прецедент служит отличным прецедентом для правового регулирования генеративных систем ИИ в Республике Казахстан, поскольку он подтверждает, что несмотря на общую тенденцию отказа в признании ИИ как субъекта права, произведения, в создании которых присутствует значимый творческий вклад человека, могут быть защищены авторским правом. Данный кейс служит ориентиром для разработки будущих нормативных актов, позволяющих адаптировать законодательство к условиям цифровой трансформации. Он подчеркивает необходимость внедрения гибридных моделей, где защита прав будет обеспечиваться с учетом как автоматизированного процесса, так и участия творческого

³⁷ Темир Ш. Впервые в Казахстане: автор Forbes.kz получил авторские права на произведение, сгенерированное ИИ [Электронный ресурс] // Forbes.kz. – 2023. – 14 ноября. – Режим доступа: <https://forbes.kz/articles/vpervyievkazahstaneavtorforbeskzpolutchilavtorskiepravananaproizvedeniesgenirovannoeii>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

³⁸ Свидетельство о внесении сведений в государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом №39766 от «19» октября 2023 года на Графический роман "Искры Восточных Склонов: Сага о Талисманцах и Империи Златовершков", автор: Темір Шынғыс Саматұлы.

субъекта. Прецедент также демонстрирует, что при отсутствии принятого специализированного закона об ИИ, действующие нормы могут быть успешно применены для охраны объектов, созданных с использованием технологий ИИ.

В главе 2.2.3. настоящей работы автором рассматривается пример Великобритании по страхованию автомобилей, которые осуществляют передвижение и перевозку пассажиров без водителя на основе ИИ. В Казахстане данный механизм применить на данный момент не представляется возможным, поскольку Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств» не содержит пунктов по страхованию ответственности ИИ³⁹. Соответственно, для регулирования страховых правоотношений между участниками дорожно-транспортного движения определение правового статуса ИИ является необходимостью.

2.2.2. Практика США

Одним из знаковых судебных дел для юридического и научного сообщества является дело Стивена Талера против Джеймса Хиршфельда⁴⁰, который на момент спора занимал должность директора патентного офиса США. Истец Стивен Талер подал заявку на патент, указав систему ИИ «DABUS» в качестве изобретателя. В своем исковом заявлении Стивен Талер утверждал, что в данном случае система «DABUS», несмотря на свою автономность, является единственным изобретателем. Тем не менее Суд отказал в регистрации патента, сославшись на пункт 100(f), главы 35 Закона США о патентах, определяющий изобретателя только как физическое лицо. Действительно, согласно указанной норме, термин “изобретатель” означает физическое лицо или, а в случае совместного изобретения - коллектив лиц, которые изобрели или открыли объект изобретения⁴¹. В Республике Казахстан существуют иной подход патентованию объектов в отношении физических и юридических лиц⁴², однако в настоящей работе, предлагается остановиться не столько на субъектных различиях, а больше на иных

³⁹ Закон Республики Казахстан от 1 июля 2003 года № 446-III «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041172&pos=92;-44#pos=92;-44 accessed 16 April 2025.

⁴⁰ Thaler v Hirshfeld, No 1:20-cv-903 (ED Va, 2 September 2021) <https://www.dwt.com/-/media/files/blogs/artificial-intelligence-law-advisor/2021/09/thaler-v-hirshfeld-decision.pdf> accessed 16 April 2025.

⁴¹ Закон США о патентах, 35 U.S.C. §§ 1 et seq., Соединенные Штаты Америки, URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3929>;

⁴² Согласно Патентного закона Республики Казахстан от 16 июля 1999 года № 427, автором объекта промышленной собственности признается физическое лицо, творческим трудом которого он создан, но к изобретениям и полезные модели данные требования не распространяются;

примечательных и интересных, с точки зрения права, отличиях в данном вопросе. Отметим, к примеру следующее помимо указанной нормы 100, главы 35 Закона США о патентах, в законодательстве США также существует так называемая «клятва»⁴³ заявителя в момент подачи заявления на регистрацию патента. Суд в своем решении по делу Стивена Талера против Джеймса Хиршфельда прямо указывает, что концепция изобретательства является частью патентного права на протяжении столетий и, что «клятва» продолжает оставаться значительной частью процесса подачи патентной заявки⁴⁴. Согласно принципам патентного права США, «клятва» заявителя не только является исторической традицией, но также устанавливает действительность заявленного патента. Принесение клятвы предусмотрено в «Руководстве по процедуре проведения патентной экспертизы» и является обязательным элементом заявки на регистрацию патента⁴⁵.

Несложно заметить, что в патентном праве США при подаче заявление на регистрацию патента существует обязательный элемент, который присущ только человеку, как физическому лицу. Иными словами, если тот, кто или что (ИИ) не может дать клятву, то он не может считаться автором или изобретателем патента. Хотя и ответственность за нарушение «клятвы» в патентном законодательстве США отсутствует, тем не менее ее нарушение влечет за собой нелегитимность авторства самого изобретения или патента. Таким образом, Суд в деле Стивена Талера против Джеймса Хиршфельда вынес решение с упором на то, что изобретателем может быть только физическое лицо, вместе с тем важным, с точки зрения понимания патентного права США, служит упоминание Суда о том, что «клятва» является неотъемлемой частью заявления на регистрацию патента. Это означает, что один из обязательных элементов патентной заявки в виде «клятвы» значительно препятствует продвижению законодательства США в направлении регулировании правового статуса объектов, сгенерированных ИИ и гармонизации этого законодательства с требованиями времени в условиях технологического прогресса.

⁴³ От английского «oath»;

⁴⁴ Thaler v. Hirshfeld, Case No. 1:20-cv-903 (2021): *«This civil action exclusively concerns the concept of inventorship, which has been a significant part of patent law for more than a century: The patent law makes it essential to the validity of a patent that it shall be granted on the application, supported by the oath, of the original and first inventor, or of his executor or administrator, whether the patent is issued to him or to his assignee. A patent which is not supported by the oath of the inventor ... is unauthorized by law and void, and, whether taken out in the name of the applicant or of any assignee of his, confers no rights as against the public.»*;

⁴⁵ Manual of Patent Examining Procedure (MPEP) Ninth Edition, Revision 01.2024, 602.01 Naming the Inventor; Inventor's Oath or Declaration [R-07.2022], URL: <https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mppep/index.html>;

Следующим в центре внимания юридического сообщества США судебным процессом был кейс, в котором Стивен Талер также был истцом, а предметом спора было право системы ИИ «Creativity Machine» быть признанной автором объекта авторского права, картины под названием “A Recent Entrance to Paradise”⁴⁶. В данном деле примечательно то, что Стивен Талер, имея предыдущий опыт и отказ в регистрации по делу, связанному с ИИ “DABUS”⁴⁷, попытался защитить свою позицию ссылаясь на доктрину работы по найму (work-for-hire). Хотя Суд и поддержал позицию Бюро регистрации авторских прав (USCO), установив, что авторское право требует участия человека, тем не менее в данной научной работе интерес вызывает правовая позиция Стивена Талера и выводы Суда по нему.

Доктрина работы по найму (work-for-hire) закреплена в статье 201 (b) главы 17 Закона США «Об авторском праве» и определяет, что все работы, выполненные по найму и заказу работодателя или заказчика принадлежат работодателю или заказчику⁴⁸. Необходимо отметить, что Стивен Талер не единственный, кто пытался зарегистрировать авторские права, используя данную доктрину на машину или систему⁴⁹. Стивен Талер отождествляет заказ на разработку объекта авторского права от человека к человеку с заказом от человека к ИИ. Хотя Суд и согласен с мнением, что авторское право предназначено для того, чтобы адаптироваться в соответствии со временем, однако Суд подчеркивает, что в основе этой адаптивности лежит четкое понимание того, что человеческое творчество является условием *sine qua non*⁵⁰ для возникновения объекта авторского права, даже если это творчество человека реализуется с помощью новых технологических инструментов⁵¹.

⁴⁶ Stephen Thaler, Plaintiff, v. Shira Perlmutter, Defendant, Case No. 1:22-cv-01564, United States District Court for the District of Columbia, filed 2 June 2022, <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.dcd.243956/gov.uscourts.dcd.243956.1.0.pdf> accessed 16 April 2025.

⁴⁷ Stephen Thaler, Plaintiff, v. Andrew Hirshfeld, Defendant, Case No. 1:20-cv-00903-LMB-TCB, United States District Court for the Eastern District of Virginia, Alexandria Division, filed 2 June 2020, <https://www.proskauerinlifesciences.com/wp-content/uploads/sites/34/2021/09/Thaler-v.-Hirshfeld.pdf> accessed 16 April 2025.

⁴⁸ Copyright Law of the United States (Title 17), 17 U.S.C. §§ 1 et seq. <https://www.copyright.gov/title17/> accessed 16 April 2025.

⁴⁹ Goldstein v. California, 412 U.S. 546 (1973), <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/412/546/> accessed 16 April 2025.

Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, 111 U.S. 53 (1884), <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/> accessed 16 April 2025.

⁵⁰ букв. «то, без чего невозможно» (*сокращение от conditio sine qua non*);

⁵¹ Stephen Thaler, Plaintiff, v. Shira Perlmutter, Defendant, Case No. 1:22-cv-01564, United States District Court for the District of Columbia, filed 2 June 2022, <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.dcd.243956/gov.uscourts.dcd.243956.1.0.pdf> accessed 16 April 2025.

Суд приводит в пример дело *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*⁵², где Верховный суд посчитал, что фотография, хотя и сделана с использованием фотоаппарата, является креативным результатом умственной концепцией задумки автора перед ее результатом. Попытки зарегистрировать авторские права не на человека частое явление в США⁵³, но Бюро по авторским правам США и судебная практика США, как мы видим, демонстрируют традиционный подход в вопросах о доли участия человека и его творческого вклада при создании объектов авторского права.

Суд не учитывает, что сама по себе картина, которую пытался зарегистрировать Стивен Талер, также обладает результатом концептуальной задумки человека в той части, в какой делался запрос на ее создание. Иными словами, картина создана исключительно в результате запроса человека, но в том виде, в котором видит, так называемый, ИИ Аналогичную правовую позицию занимала и Кристина Каштанова при регистрации своего романа «*Zarya of the Dawn*»⁵⁴.

Кейс романа «*Zarya of the Dawn*» также был в центре внимания юридического сообщества и до сих пор остается темой дискуссий в юридических и научных кругах⁵⁵. Это был первый в мире прецедент, когда патентный орган дал регистрацию объекту, сгенерированному ИИ. Несмотря на то, что позже данное решение было пересмотрено и отменено патентным органом США, сам кейс создал юридический прецедент и поле для обсуждений юристами и учеными по всему миру.

Бюро, при пересмотре заявки Кристины Каштановой на регистрацию ее романа «*Zarya of the Dawn*» отметил, что согласно тесту Фейста, который был сформирован в деле *Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co.*⁵⁶, подборка изображений и сам текст обладают достаточным творческим вкладом Кристины Каштановой и подлежит защите авторским правом США⁵⁷. Согласно

⁵² *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, 111 U.S. 53 (1884), <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/> accessed 16 April 2025.

⁵³ *Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co., Inc.*, 499 U.S. 340 (1991), <https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/771> accessed 16 April 2025. *Naruto v. Slater*, 888 F.3d 418 (9th Cir. 2018), <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2018/06/SlaterNaruto.pdf> accessed 16 April 2025.

⁵⁴ *Zarya of the Dawn* case materials, 2022;

⁵⁵ Analla, T. (2023, March 6). *Zarya of the Dawn: How AI is Changing the Landscape of Copyright Protection*. Edited by A. Jonnavithula, URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/zarya-of-the-dawn-how-ai-is-changing-the-landscape-of-copyright-protection>;

⁵⁶ *Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co., Inc.*, 499 U.S. 340 (1991), <https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/771> accessed 16 April 2025. *Naruto v. Slater*, 888 F.3d 418 (9th Cir. 2018), <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2018/06/SlaterNaruto.pdf> accessed 16 April 2025.

⁵⁷ Robert J. Kasunic, Associate Register of Copyrights and Director of Registration Policy & Practice, U.S. Copyright Office, Letter to Van Lindberg Re: *Zarya of the Dawn* (Registration VAu001480196) (23 February 2023) <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> accessed 16 April 2025.

тесту Фейста, произведение должно быть собственным творческим результатом автора, иными словами должно иметь два основных элемента: собственный труд и творческий вклад автора. Таким образом, роман «Zarya of the Dawn» для простоты можно разделить на три составные части: это изображения, которые были сгенерированы ИИ, это текст, который написала сама Кристина Каштанова, а также это порядок расположения изображений и текста на каждой странице романа. Две последние части Бюро зарегистрировало и признало авторство за Кристиной Каштановой, однако сами изображения вывела из-под охраны авторским правом.

Многие юристы подчёркивают о необходимости пересмотра доктрины авторства⁵⁸, и роман Кристины Каштановой как раз является одним из катализаторов для обсуждений, особенно в свете растущего использования ИИ в творческих процессах. Профессор школы права Университета Суррея Райан Эбботт представил три теории защиты авторских прав объектов, сгенерированных ИИ: первое - право собственности через действие закона, второе - применение доктрины работы по найму и третье - косвенная причинно-следственная связь через программирование.⁵⁹ Каждая теория потребовала бы от суда сделать важный шаг за рамки существующей судебной практики США в области авторского права, особенно в предыдущих делах, указывающих на то, что творческий вклад человека занимает центральное место в произведениях, защищенных авторским правом. Тем не менее, можно увидеть, что попытки вышеуказанных представителей юридического сообщества США явно демонстрируют их активное намерение изменить традиционный подход к произведениям сгенерированным ИИ.

2.2.3. Практика Великобритании

В Великобритании раздел 9(3) CDPA 1988 в случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера признает автором человека, которое предприняло необходимые меры для организации создания произведения⁶⁰. Такая модель была принята в 1988 году, поэтому компьютерная генерация в понимании CDPA 1988 относилась к простым алгоритмам и генеративным процессам компьютера, которые действовали по жёстким алгоритмам.

⁵⁸ United States Patent and Trademark Office, Public Views on Artificial Intelligence and Intellectual Property Policy (October 2020) <https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTOAI-Report2020-10-07.pdf> accessed 16 April 2025.

⁵⁹ Tim Knight & Dennis Crouch, The Art of Attribution and Three Unlikely Theories of AI Authorship (24 ноября 2024) <https://patentlyo.com/patent/2024/11/attribution-unlikely-authorship.html> accessed 16 апреля 2025.

⁶⁰ UK Copyright, Designs and Patents Act 1988, s 9(3) <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9> accessed 24 April 2025.

Современный ИИ может быть намного сложнее, в том числе объект может быть произведен без полного контроля человеком, поэтому суд может признать, что слишком автономное поведение ИИ не укладывается в классическую схему организации процесса создания объекта человеком. В таком случае авторство может оказаться под сомнением при нынешней формулировке раздела 9(3) CDPA 1988⁶¹.

Если речь идет об ответственности ИИ, то в Великобритании также действует нормы, по которым при эксплуатации автономных автомобилей страховая компания возмещает ущерб потерпевшим, а затем может предъявить регресс к производителю техники⁶². Такой подход в Великобритании обусловлен их консервативным регулированием новых технологий. То есть подход по принципу: сначала обеспечивается безопасность граждан, а затем уже регулируются другие сферы общества. В действительности такой подход стоит принять во внимание, однако для казахстанского законодательства, как ранее было сказано, на данный момент невозможно застраховать гражданско-правовую ответственность ИИ, как для машин без водителей, так и для других устройств, который могут работать без участия человека. Тема ответственности ИИ, на самом деле, является отдельной и ёмкой темой для отдельной исследовательской работы, поскольку требует комплексного подхода, как это было предпринято в Великобритании.

2.2.4. Практика Европейского Союза

Европейский союз, разрабатывая свои правила об ответственности, также рассматривал режим «strict liability» (объективной ответственности) для высокорискованных ИИ-систем⁶³ и предлагалось ввести презумпцию причинной связи между нарушением обязанностей создателя ИИ и наступившим ущербом, чтобы потерпевшему не пришлось разгадать «чёрный ящик» алгоритма в суде⁶⁴. В Европейском союзе судебная практика и правовые нормы также базируются на антропоцентрической доктрине. Решения Европейского патентного ведомства по заявкам, созданным с использованием системы DABUS, подчеркивают, что «закон требует, чтобы изобретателем был человек». При этом проект Регламента об ИИ вводит систему классификации ИИ-систем по

⁶¹ Ibid.

⁶² Carlton Daniel, Joseph Grasser and James Collis, 'Copyright protection for AI works: UK против US' (12 July 2023) <https://www.iptechblog.com/2023/07/copyright-protection-for-ai-works-uk-против-us/#> accessed 14 April 2025

⁶³ Andrew Pery, 'Can AI regulations help build trust in the technology?' (22 May 2024) <https://erp.today/pathways-for-achieving-trustworthy-ai/> accessed 14 April 2025

⁶⁴ European Commission, 'Questions & Answers: AI Liability Directive' (28 September 2022) https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_22_5793 accessed 14 April 2025.

уровням риска, что позволяет регулировать технические и этические аспекты применения ИИ без изменения основ авторского права. К высокорисковым системам предъявляются наиболее жёсткие обязательства: они должны проходить процедуру оценки соответствия, документирования и уведомления регуляторов, обеспечивать непрерывный мониторинг безопасности и наличие постоянного человеческого надзора над работой системы.

Регламент ЕС также вводит расширенные требования прозрачности. Например, в нём предусмотрено, что разработчики крупных базовых моделей ИИ обязаны публиковать достаточно подробную сводку об использованных при обучении данных и ключевых технических характеристиках моделей⁶⁵. Цель таких требований – дать заинтересованным лицам, например, правообладателям или контролирующим органам, возможность понять происхождение данных и механизмы работы систем⁶⁶. Для более ясного понимания ниже представлена таблица уровней риска согласно Регламенту ЕС⁶⁷:

Уровень риска	Описание и пример	Требование
Недопустимый риск	ИИ-системы, которые угрожают безопасности, правам или средствам к существованию (например, социальное рейтингование, манипулятивные или эксплуатирующие	полностью запрещены в ЕС

⁶⁵ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) № 2018/858, (ЕС) № 2018/1139 и (ЕС) № 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) (Текст, имеющий значение для ЕЭП) [2024] OJ L 1689/1, доступно по ссылке: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202401689.

⁶⁶ Adnan Masood, 'Intellectual Property Rights and AI-Generated Content — Issues in Human Authorship, Fair Use Doctrine, and Output Liability' (4 April 2025) <https://medium.com/@adnanmasood/intellectual-property-rights-and-ai-generated-content-issues-in-human-authorship-fair-use-8c7ec9d6fdc3> accessed 27 April 2025.

⁶⁷ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) № 2018/858, (ЕС) № 2018/1139 и (ЕС) № 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) (Текст, имеющий значение для ЕЭП) [2024] OJ L 1689/1, доступно по ссылке: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202401689.

	системы, неселективный сбор изображений лиц)	
Высокий риск	ИИ, используемый в критически важных секторах (например, здравоохранение, образование, правоохранительные органы, инфраструктура, миграция), который может повлиять на безопасность или основные права.	Строгие требования: оценка рисков, прозрачность, человеческий контроль, регистрация, постоянный мониторинг.
Ограниченный риск	ИИ, требующий обеспечения прозрачности (например, чат-боты, дипфейки).	Требование: пользователи должны быть информированы о том, что они взаимодействуют с ИИ.
Минимальный или отсутствующий риск	большинство применений ИИ (например, спам-фильтры, видеоигры).	Нет специальных обязанностей, кроме соблюдения уже действующего законодательства.

Таким образом, поставщики, пользователи, импортеры и дистрибьюторы обязаны обеспечивать соответствие систем требованиям, установленным для их уровня риска. В отношении систем высокого риска это включает обязательную оценку рисков, прозрачность, человеческий надзор и регистрацию.

Вообще, в соответствии с антропоцентрическим подходом проект Регламента подтверждает, что ИИ остаётся инструментом, а не субъектом права: только физические или юридические лица могут обладать правами и нести ответственность за систему ИИ.

Следует подчеркнуть, что сам по себе Регламент не содержит прямых норм по авторским правам или патентам на результаты работы ИИ⁶⁸. Вопросы авторства и интеллектуальной собственности традиционно решаются отдельными законами об авторском праве и патентах. Тем не менее повышенные требования прозрачности и документирования, например, обязательная регистрация данных

⁶⁸ Ibid.

обучения или ведение технической документации, косвенно влияют на эти вопросы: они облегчают установление фактического вклада человека в создаваемые ИИ объекты. Информация о том, какие именно алгоритмы и данные были использованы, помогает понять, где проходила граница между автоматической генерацией и творческим вкладом оператора, но окончательные выводы о правовом статусе результатов делаются на основе действующих норм ИС.

2.2.5. Практика Китая

В законодательстве Китая также нет признания ИИ субъектом права – вместо этого установлены обязанности операторов алгоритмических систем по обеспечению их безопасности и соблюдению закона⁶⁹. Поэтому в Китае наблюдается тенденция к гибриднему подходу. К примеру, судебная практика, подтверждённая решением Пекинского интернет-суда по делу Li против Liu, допускает охрану авторских прав на объекты, созданные генеративными системами ИИ, при условии, что в процессе создания имелось существенное участие человека⁷⁰. Суд указал, что искусственный интеллект не может быть признан автором, поскольку в соответствии с китайским законодательством автором может быть только физическое или юридическое лицо. Однако истец все же был признан автором изображения в связи с осуществлением креативного контроля над процессом создания с использованием инструмента ИИ⁷¹. Такой подход позволяет учитывать как автономность алгоритмов, так и контроль оператора, что способствует развитию инноваций при сохранении правовых гарантий.

Самым примечательным является, что Суд в том деле применил четырехэлементный тест в соответствии с Законом КНР об авторском праве:

Первое, оригинальность: введённые истцом команды и внесённые им корректировки отразили «персонализированные выборы и эстетические суждения», что выходило за пределы простого механического воспроизведения.

⁶⁹ Jeffrey Shin, *AI Watch: Global regulatory tracker - China* (31 March 2025) White & Case LLP <https://www.whitecase.com/insight-article/ai-watch-global-regulatory-tracker-china> accessed 14 April 2025.

⁷⁰ 1. Yuqian Wang and Jessie Zhang, 'Beijing Internet Court Grants Copyright to AI-Generated Image for the First Time' (2 February 2024), <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/02/02/beijing-internet-court-grants-copyright-to-ai-generated-image-for-the-first-time/> accessed 16 April 2025.

⁷¹ Ibid.

Второе, интеллектуальное достижение: последовательная работа истца с выбором команд, их упорядочением и установлением параметров продемонстрировала наличие прямого человеческого интеллектуального вклада.

Третье, форма выражения: изображение было закреплено в материальной форме.

Четвертое, отнесение к области литературы, искусства или науки: изображение квалифицировалось как произведение искусства⁷².

Таким образом, решение Пекинского интернет-суда подчёркивает готовность Китая предоставлять авторско-правовую защиту ИИ-сгенерированному контенту в случаях, когда процесс создания обусловлен человеческим творчеством. Этот подход контрастирует с более строгими стандартами, действующими в США. Ожидается, что данное решение может оказать влияние на развитие глобальных рамок регулирования интеллектуальной собственности на фоне ускоряющейся интеграции искусственного интеллекта в сферу искусства и технологий.

2.3. Сравнительный анализ, оценка общих проблем и пробелов

Исходя из вышеописанной мировой практики, можно сказать, что, как в США, так и в ЕС, судебные решения однозначно исключают возможность признания ИИ субъектом права, требуя наличия существенного творческого вклада человека. Это подтверждается решениями, где упор делается на «клятву» и обязанность физического лица дать подтверждение своего участия в процессе создания объекта. А вот в Китае, как было описано выше, напротив наблюдаются элементы гибридного подхода, когда при наличии существенного человеческого контроля охрана интеллектуальной собственности может распространяться и на объекты, созданные с использованием ИИ⁷³. Такая модель позволяет более гибко учитывать специфику цифрового творчества, адаптируясь к новым технологическим условиям.

Учитывая лидирующие позиции США в развитии технологий, особенно ИИ, можно заметить, что законодательство США имеет определенные подходы, которые, по нашему мнению, можно

⁷² Bruce Wang, Stefaan Meuwissen and Zhen (Katie) Feng, 'Beijing Internet Court grants copyright protection for AI artworks, but copyrightability debate of AI-generated output continues' (6 December 2023) <https://www.hoganlovells.com/en/publications/beijing-internet-court-grants-copyright-protection-for-ai-artworks-but-copyrightability-debate-of-ai-generated-output-continues> accessed 27 April 2025.

⁷³ Jeffrey Shin, *AI Watch: Global regulatory tracker - China* (31 March 2025) White & Case LLP <https://www.whitecase.com/insight-article/ai-watch-global-regulatory-tracker-china> accessed 14 April 2025.

пересмотреть с учетом роста доли технологий ИИ. Судебная практика США по вопросам правового статуса объектов, созданных ИИ, сохраняет status quo и отражает традиционный подход, требующий обязательного участия человека для признания результатов интеллектуальной деятельности. Рассмотренные в настоящей работе дела Стивена Талера против Джеймса Хиршфельда, Стивена Талера против Ширы Пёрлмуттер и кейс романа «Zarya of the Dawn» показали действующий подход к толкованию законодательства США в пользу доктрины, где центральное место занимает человеческий творческий вклад.

Решения судов подчеркивают, что изобретателем или автором может быть исключительно физическое лицо. Данный подход затрудняет продвижения роли ИИ в создании объектов интеллектуальной собственности. Вместе с тем можно увидеть, что рост использования ИИ в творческих и инновационных процессах требует пересмотра устоявшихся доктрин. Данное мнение выражают ученые и практики в области права США. Кроме того, в пересмотре нуждается и элемент «клятвы» при регистрации патента в США. Данный механизм, с учетом, быстрого инновационного скачка в эпоху ИИ, переходит в разряд архаизма.

Анализ судебной вышеприведенной практики демонстрирует, что основные споры, связанные с использованием генеративных систем ИИ, касаются необходимости наличия существенного творческого вклада человека для признания охраны интеллектуальной собственности. В США и ЕС преобладает антропоцентрическая доктрина, в то время как в Китае наблюдается переход к гибридным моделям, позволяющим учитывать специфику автоматизированного творчества. Великобритания демонстрирует сочетание традиционных принципов с элементами гибкости для адаптации к будущим технологическим изменениям. Отсутствие специализированной судебной практики в Казахстане указывает на незрелость нормативной базы, что требует дальнейшей адаптации законодательства с учётом международного опыта. Данный анализ подчеркивает необходимость гармонизации национальных норм с мировыми стандартами, что станет фундаментом для формирования устойчивой правовой системы, способной обеспечить защиту прав участников инновационного процесса и стимулировать развитие цифровой экономики.

Для Казахстана опыт США может быть ориентиром в разработке более гибкого и прогрессивного подхода, позволяющего учитывать современные реалии технологического прогресса в отличии от подхода практики США. В случае Казахстана есть ряд преимуществ, например в виде отсутствия элемента «клятвы», как это есть в США.

Раздел 3. Совершенствование правового регулирования искусственного интеллекта в Республике Казахстан

3.1. Представление авторских рекомендаций по улучшению законодательства Республики Казахстан

Анализ предыдущих глав показывает, что на данный момент гражданское законодательство Казахстана пока прямо не учитывает феномен ИИ, что порождает неопределенность в вопросах статуса ИИ и ответственности за причиненный им вред. В статье «Могут ли нормативные акты об ИИ помочь создать доверие к технологиям?» Эндрю Перри подчеркивает важность глобальной гармонизации регулирования ИИ для устранения торговых барьеров, стимулирования инноваций и создания экономических возможностей. Он отмечает, что в противном случае ИИ может рассматриваться как геополитическое преимущество, что приведет к изоляционистским подходам в регулировании⁷⁴. Для Казахстана важно быть в данном вопросе гибким и достаточно оперативным, поскольку регулирование ИИ, как указано выше, является важным экономическим и политическим преимуществом. Для таких целей, предлагается рассмотреть инициативные формулировки от автора настоящей работы.

Во-первых, предлагается законодательно закрепить определение понятия «ИИ» и связанного термина «система ИИ». Определение должно быть технологически нейтральным и достаточно широким, охватывая современные методы (машинное обучение, нейронные сети, экспертные системы и др.). Например, согласно проекту Закона РК «Об Искусственном Интеллекте» ИИ - это *«информационно-коммуникационная технология, позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений»*. В других юрисдикциях также уже даны подобные определения. Так, в регламента ЕС об ИИ установлено, что ИИ-системой считается *«a machine-based system that is designed to operate with varying levels of autonomy and that may exhibit adaptiveness after deployment, and that, for explicit or implicit objectives, infers, from the input it receives, how to generate outputs such as predictions, content, recommendations, or decisions that can influence physical or virtual environments»*⁷⁵.

⁷⁴ Andrew Pery, 'Can AI regulations help build trust in the technology?' (22 May 2024) <https://erp.today/pathways-for-achieving-trustworthy-ai/> accessed 14 April 2025.

⁷⁵ с англ. - машинная система, которая предназначена для работы с различными уровнями автономности и которая может проявлять адаптивность после развертывания, и которая для явных или неявных целей определяет на основе полученных входных данных, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, содержание, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду;

Формулировка “предназначена для работы с различными уровнями автономности” в контексте термина ИИ показывает, что у ИИ есть уровни автономности. В п.2, ст. 18 Проекта казахстанский законодатель также предусматривает три уровня автономности системы ИИ, но не включает его в термин ИИ. На первый взгляд может показаться, что данная уточненная формулировка в Регламенте ЕС не является значительной, однако, в контексте ответственности ИИ она обязательна. Как отмечается в Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ, системы ИИ изначально проектируются с учетом вариативной автономности для подчеркивания, что за деятельностью ИИ всегда присутствует человек, задающий цели или контролирующий результат. Это, в свою очередь, создаёт основу для распределения ответственности и исключает ошибочное восприятие ИИ как полностью самостоятельного «субъекта» без какого-либо человеческого влияния⁷⁶. Исходя из этого, рекомендуется упоминание об уровне автономности в термине ИИ, поскольку за каждой работой и результатом ИИ всегда стоит степень воздействия пользователя. Таким образом видится расширение термина ИИ в следующей редакции: *“информационно-коммуникационная технология, которая предназначена для работы с различными уровнями автономности, позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений”*

Во-вторых, в Проекте предусмотрено определение термина “генеративный ИИ”, но в предлагаемой редакции законодатель не указал, кем именно запускается процесс генерации, то есть первоисточник процесса генерации. В оригинальной редакции пп. 7) ст. 1 Проекта указано, что: *“генеративная система ИИ – система ИИ, осуществляющая генерацию синтетических результатов деятельности системы ИИ включая, изменение биометрических данных (изменение голоса, изображения лица, видеоизображения, движений и другие), изменение реальности, а также осуществление иных аналогичных действий”*. В текущей редакции генеративный ИИ описан как система, создающая синтетические результаты, но не сказано, как запускается этот процесс. В действительности же такие системы (например, алгоритмы создания изображений или тексты по заданию) всегда работают в ответ на определенное задание или, так называемый, prompt⁷⁷ пользователя. Таким образом, предлагается дополнить определение

⁷⁶ UNESCO, *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence* (23 November 2021) <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence> accessed 16 April 2025.

⁷⁷ с англ. - запрос

«генеративная система ИИ» фразой «на основании запроса пользователя». Тогда получается, что генеративная система ИИ – это система, генерирующая синтетические результаты по запросу пользователя. Такая формулировка соответствует принципам ответственности и подконтрольности, указанным в пп. 4), ст. 4 Проекта.

Третьим предложением в рамках данной работы является дополнение пп. 8) ст. 1 проекта после слова «информация» словами «или объект», поскольку целью является охват всех возможных форм результата генерирования. Как приведено в разделе 2 главы 2 настоящей работы, казахстанская практика депонирования авторских прав показывает, что при определенном творческом вкладе человека в результате работы с ИИ может получиться объект интеллектуальной собственности (к примеру изображение, литературное произведение, их сборники или доработанное техническое решение). Аналогично, сгенерированные нейросетью аудио- и видеоролики могут подпадать под смежные права. Таким образом такой результат сложно назвать просто «информацией»: корректнее видится отнесение такого результата к понятию объекта. Добавление слова «объекты» обеспечивает широту понятию результата деятельности системы ИИ.

Четвертое предложение касается заголовка ст. 23: “Право интеллектуальной собственности на произведения, созданные с использованием систем ИИ”. Слово “произведение” предполагает охват его сферой действия только авторского права. Согласно п.2, ст.6 Закона “Об авторском праве и смежных правах”, к произведениям могут относиться объекты, существующие в какой-либо объективной форме, будь то в письменной, устной, звуко- или видеозаписной, изобразительной, объемно-пространственной или иной форме. Такие произведения охраняются авторским правом. Однако, не исключается тот факт, что в результате использования системы ИИ и при вкладе человеческих усилий может получиться объект патентного права, который не является произведением по своей сути. Согласно пп. 7, ст.1 Патентного закона, к объектам Патентного закона относятся объекты промышленной собственности - изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Согласно пп.3), ст.1 Патентного закона РК, *объекты интеллектуальной собственности - результаты интеллектуальной творческой деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг*. Таким образом, для унификации понятия результата, который получится при использовании системы ИИ, предлагается использование термина “объект” с итоговой редакцией заголовка статьи 23 Проекта в виде: “Право интеллектуальной

собственности на **объекты**, созданные с использованием систем ИИ”.

Следует подчеркнуть, что все предложенные инициативы направлены не только на устранение пробелов в терминологии и обеспечении внутренней согласованности проекта Закона, но и на формирование условий для эффективной защиты прав лиц, вовлечённых в процесс создания объектов с использованием ИИ. Формирование чётких определений и расширение категорий охраняемых результатов имеет важное значение для снижения правовой неопределённости в сфере интеллектуальной собственности. В условиях стремительного развития генеративных технологий и увеличения доли синтетических объектов в экономическом обороте отсутствие ясных правовых рамок может стать серьёзным препятствием как для инновационной деятельности, так и для правоприменения. В этой связи системное уточнение ключевых понятий проекта Закона представляется необходимым условием для гармоничного развития как сферы интеллектуальной собственности, так и экосистемы искусственного интеллекта в Республике Казахстан.

3.2. Анализ возможных последствий предложенных авторских рекомендаций

Реализация предложенных изменений принесёт ряд правовых, экономических и институциональных последствий. Прежде всего, правовые последствия выразятся в повышении определённости терминологии и устранении пробелов в регулировании объектов, создаваемых ИИ. Введение по аналогии с проектом Регламента ЕС об ИИ технологически нейтрального определения ИИ с учётом уровней автономности чётко закрепит, что при любом уровне самостоятельности системы субъектом права остаётся человек, а ИИ выступает инструментом. Такой гибридный подход ответственности и авторства снизит неопределённость относительно статуса результатов генеративного ИИ. Одновременно авторская рекомендация по дополнению термина «генеративная система ИИ» указанием «по запросу пользователя» прямо подчеркнёт участие человека в инициировании творческого процесса, что станет критерием охраноспособности результата.

Экономические последствия предложенных мер заключаются в формировании благоприятной среды для инноваций. Устранение правовой неопределённости благоприятно стимулирует инвестиции: если ясно, что результат, полученный с помощью ИИ, не останется без правовой охраны, авторы и изобретатели смелее будут использовать ИИ-инструменты. Широкая формулировка «объект,

созданный с использованием ИИ» вместо узкого «произведение» в ст. 23 проекта Закона расширяет сферу охраны интеллектуальных прав. Это позволит защищать не только произведения в традиционном смысле авторского права, но и иные результаты – например, изобретения или промышленные дизайны, созданные при участии ИИ. В итоге национальная система интеллектуальной собственности станет более всеобъемлющей и современной, что с большей долей вероятности положительно скажется на конкурентоспособности отечественных технологических проектов. Разработчики смогут, к примеру, патентовать технические решения, созданные с применением нейросетей, при условии собственного изобретательского вклада.

Институциональные последствия проявятся в необходимости адаптации правоприменения. Вероятнее всего Патентному ведомству РК будет необходимо выработать практические критерии для оценки степени участия человека и ИИ в объектах авторского и патентного права. Поскольку на данный момент Национальный регистрирующий орган не проводит экспертизу объектов авторского права, для имплементации предложенных рекомендаций возникнет необходимость создать отдельную процедуру регистрации для объектов, созданных при помощи ИИ. Вероятнее всего видится появление четких регламентов, на которые смогут опираться эксперты и суды при рассмотрении споров об авторстве на такие объекты.

Предполагается, что такой гибкий подход может дать импульс технологической и творческой среде Казахстана. В то же время создание ясной и гибкой правовой среды может послужить примером для мирового сообщества. Таким образом, законодательно фиксируя условие человеческого вклада, Казахстан укрепит основу для признания прав на созданные при участии ИИ. Кроме того, введение аналогичных норм может повысить предсказуемость регулирования и доверие к результатам ИИ, поскольку единообразные требования и стандарты будут понятны и разработчикам, и пользователям технологий. В четкой нормативной базе меньше простора для двусмысленных трактовок, что укрепит уверенность в том, что решения ИИ-систем надлежащим образом проверены и контролируются.

Вместе с тем успешная реализация предлагаемых изменений будет зависеть от способности правоприменительных и административных органов своевременно адаптироваться к новым вызовам. Помимо необходимости разработки методических рекомендаций и стандартов для регистрации и экспертизы объектов, созданных с использованием ИИ, потребуются активное развитие правовой культуры участников оборота. Без должного уровня

информированности о новых требованиях и возможностях регулирования рискуют увеличиться правовые споры и ошибки в квалификации статуса результатов ИИ-деятельности. Следовательно, параллельно с внесением законодательных изменений требуется проводить широкую разъяснительную работу среди разработчиков, пользователей и юристов, а также формировать судебную практику, которая будет обеспечивать единообразное применение новых норм. Только комплексный подход позволит достичь целей формирования современного, устойчивого к технологическим изменениям правового режима интеллектуальной собственности в Республике Казахстан.

3.3. Наличие потенциальных проблем и рисков в связи с предложенными изменениями

Несмотря на очевидные плюсы, предложенные изменения сопряжены с определёнными рисками. Во-первых, существует риск чрезмерного регулирования. Слишком детальная регламентация использования ИИ может обернуться избыточными барьерами для инноваций. В ст. 18 Проекта закона «Об искусственном интеллекте» системы ИИ различаются по степени риска, а также по степени независимости в принятии решений и воздействия на пользователя. Безусловно подразделение систем ИИ дает более ясное и точное понимание для граждан, однако возникает вопрос о том, какими механизмами будут регулироваться администрирование процедуры систематизации ИИ. Разработчики и владельцы систем ИИ могут столкнуться с проблемами, когда чрезмерная бюрократизация процесса регулирования таких систем может создать преграды инновационным процессам. В пример можно взять стартап проект, связанный с системой ИИ. Для того, чтобы легитимно запустить свою систему на территории РК данному стартапу становится необходимым проходить проверку уполномоченного органа. В связи с тем, что такой процесс предполагает предоставление разработчиками доступа к конфиденциальной информации и коммерческой тайны органу, который будет осуществлять такую проверку, возникают риски нарушения прав интеллектуальной собственности.

Кроме того, чрезмерное регулирование может повлечь риск технологической фрагментации. В случае установления сложных процедур допуска и обязательных проверок ИИ-систем, крупные зарубежные технологические компании могут сократить свою активность на территории Республики Казахстан, предпочитая юрисдикции с более гибким нормативным режимом. Это, в свою очередь, способно ослабить процессы трансфера технологий и

притока инвестиций в национальный рынок высоких технологий. Следует отметить, что административная нагрузка, связанная с исполнением новых регуляторных требований, может оказаться чрезмерной для малых и средних инновационных предприятий, ограничивая их способность к эффективному развитию. Таким образом, в дополнение к риску торможения внутренних инновационных процессов возникает вероятность ухудшения международной конкурентоспособности страны в области искусственного интеллекта. В этой связи представляется необходимым при формировании регуляторных механизмов учитывать не только цели защиты прав граждан, но и стратегические задачи стимулирования научно-технического прогресса.

Европейский опыт показывает, что избыточные требования способны тормозить прогресс: например, высказывались опасения, что чересчур строгие нормы европейского регламента об ИИ негативно скажутся на стартапах⁷⁸. По данным опроса европейских предпринимателей, более половины респондентов (53 %) оценили возможное воздействие Регламента как негативное⁷⁹. Поэтому важно сохранить принципы технологической нейтральности и пропорциональности – регулировать ровно настолько, насколько необходимо для защиты прав граждан, но без ущерба инновациям.

Таким образом возникает риск инновационного кризиса, поскольку принятые нормы могут создать барьеры для владельцев ИИ. Законодателям следует делать критерии ИИ максимально гибкими и предусматривать их своевременное обновление, иначе чрезмерное нормативное регулирование затормозит инновационный рост Казахстана.

⁷⁸ Ryan Paugh, 'Between Guardrails and Growth: AI Leaders Weigh in on EU's Sweeping Regulation' (27 March 2025) <https://seniorexecutive.com/impact-of-eu-ai-act/> accessed 16 April 2025.

⁷⁹ Pieter Haeck and Giovanna Coi, 'Startups side with Draghi: EU red tape hampers growth' (21 November 2024) <https://www.politico.eu/article/eu-tech-scene-denounces-ai-data-rules-bad-for-growth-meta-google-survey-gdpr/#:~:text=The%20Artificial%20Intelligence%20Act%20also,it%20had%20a%20positive%20effect> accessed 27 April 2025.

Заключение

В настоящем проекте по теме «Правовой статус объектов, созданных генеративным ИИ в Республике Казахстан» ставилась цель – определить действующие нормы, регулирующие правовой статус объектов, созданных генеративным ИИ, и выработать рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере искусственного интеллекта в Республике Казахстан. Для достижения этой цели были сформулированы и решены следующие задачи: обзор теоретических подходов к правовому статусу ИИ, анализ международного и национального опыта, определение ключевых понятий, сравнительно-правовой анализ существующих пробелов, а также выработка авторских предложений по уточнению нормативных актов. Таким образом, достигается понимание, какие изменения необходимо внести в проект Закона РК «Об искусственном интеллекте» для адекватного регулирования объектов, созданных генеративными ИИ-системами.

В ходе настоящей магистерской работы были проанализированы существующие подходы к правовому статусу объектов, созданных ИИ. Установлено, что традиционный антропоцентрический подход, лежащий в основе большинства правовых систем, не в полной мере охватывает случаи автономного творчества ИИ, а чисто техноцентрический подход требует дальнейшей проработки механизмов ответственности. Наиболее адаптивной представляется гибридная модель, учитывающая уровни автономности ИИ и долю участия человека, что позволяет гибко распределять права и обязанности. Было рассмотрено текущее казахстанское законодательство и практика по вопросам ИИ. Так, в Республике Казахстан до настоящего времени отсутствует единое определение ИИ и его категоризация по уровню автономности. Правоприменительная практика не содержит случаев признания авторства за саморефлективными системами ИИ без участия человека. Сравнительный анализ с зарубежными моделями показал, что большинство стран придерживаются антропоцентризма, тогда как Европейский Союз движется к установлению уровней риска и автономности ИИ. Таким образом, анализ международного опыта выявил ключевые векторы развития, полезные для совершенствования национального законодательства.

В настоящей работе были даны авторские рекомендации по улучшению правового регулирования. Предложенные изменения сосредоточены на доработке проекта Закона «Об искусственном интеллекте» РК: расширение определения ИИ с учётом уровней автономности, уточнение определения «генеративная система ИИ» (с учетом того, что генерация происходит по запросу пользователя),

а также дополнение термина «информация» словами «или объект» для охвата всех видов результатов генерации, таких как: изображения, тексты, аудио- и видеофайлы, которые могут быть объектами авторского права. Кроме того, проанализированы потенциальные последствия и риски предлагаемых новелл. Видится важным сохранить гибкость регулирования, избегая чрезмерной бюрократизации, чтобы не затормозить инновационный рост страны. Следует отметить, что деликатное соотношение защиты прав и стимулирования инноваций лежит в основе всех рекомендаций.

Таким образом, обобщающие выводы по работе состоят в том, что существующие правовые подходы в Казахстане требуют уточнений для адекватного учета генеративных ИИ-технологий. В ходе исследования подтверждена необходимость гибкости нормативов, установления чётких критериев творческого вклада человека и внедрения механизмов своевременного обновления норм в соответствии с развитием технологий.

Отдельное внимание в проекте уделено конкретным предложениям по совершенствованию законодательства. Среди них можно выделить следующие ключевые положения:

1. Расширить определение ИИ в проекте Закона «Об искусственном интеллекте» с упоминанием разных уровней автономности системы. Это позволит формализовать понятие ИИ как технологии, работающей с «различными уровнями автономности» и «имитирующей или превосходящей когнитивные функции человека».

2. Уточнить определение «генеративной системы ИИ» посредством добавления фразы о том, что генерация результатов происходит «на основании запроса пользователя». Новая редакция: «генеративная система ИИ – это система, создающая синтетические результаты деятельности по запросу пользователя». Это согласуется с принципами ответственности и подконтрольности, заложенными в проекте закона.

3. Внести дополнение «или объект» после слова «информация» в терминологической части закона. Пояснено, что результаты работы ИИ могут формально быть представлены в виде объектов (изображений, текстов, технических решений и т.д.), которые по своей сути не сводятся лишь к «информации», а являются объектами интеллектуальной собственности. Добавление слова «объект» обеспечит полноту правового охвата результатов генерации.

4. Пересмотреть заголовок и содержание статьи 23 проекта Закона о правах на произведения, созданные с ИИ. Предложено расширить понятие «произведение», учитывая, что результат может быть не только литературным или художественным, но и техническим решением, подпадающим под патентное право как объекты

промышленной собственности. Это позволит обеспечить защиту прав как в сфере авторского, так и патентного законодательства.

Эти конкретные формулировки направлены на устранение выявленных пробелов и создание более гибкой правовой модели. Предложения базируются на сопоставлении казахстанской практики с зарубежным опытом и носят практико-ориентированный характер.

Следует отметить, что в настоящем проекте впервые для Казахстана выполнен академический анализ проекта Закона «Об искусственном интеллекте» РК с точки зрения интеллектуальной собственности, что позволило выявить скрытые риски и пути их устранения. Впервые сформулированы авторские рекомендации по правовому оформлению «генеративной системы ИИ» и расширению понятийной базы закона («информация» против «объект»), которые учитывают современные технические особенности генеративных моделей.

Практическая значимость предложенных рекомендаций заключается в их направленности на повышение правовой определённости в развивающейся сфере ИИ. Выработка конкретных изменений поможет законодательным органам эффективно адаптировать проект Закона «Об искусственном интеллекте» к потребностям цифровой экономики Казахстана. В частности, уточнения в терминологии и разграничение уровней автономности обеспечат разработчикам и пользователям ИИ-систем прогнозируемость правовых последствий их деятельности. Предложенные правки минимизируют риск нормативного «регуляторного шока» и стимулируют внедрения ИИ-технологий, сохраняя баланс между инновациями и защитой интеллектуальных прав. Кроме того, результаты работы могут быть использованы в образовательных и правоприменительных целях: они предоставляют основы для разъяснения практикам юридических последствий применения генеративного ИИ, а также служат научным обоснованием для дальнейшего развития законодательства. Стратегическое направление развития ИИ в РК на основании Концепции 2024–2029 г. напрямую связано с предлагаемым проектом Закона «Об искусственном интеллекте», а предложенные рекомендации в настоящей работе могут послужить критическими в ходе обсуждения законодателями и общественностью вопросов регулирования ИИ.

В ходе исследования выявлены новые вопросы, требующие дополнительного изучения. В частности, перспективно дальнейшее исследование:

1. Механизмов учёта творческого вклада человека в совместном творчестве с ИИ, включая определение минимального порога участия человека для признания авторства.

2. Процедур лицензирования и управления данными для генеративных ИИ-систем, учитывая конфиденциальность и коммерческую тайну при проверке инновационных проектов, что позволит избежать бюрократических барьеров.

3. Взаимодействия международных правовых систем, создание унифицированных норм и стандартов в области ИИ, взаимное признание интеллектуальных прав, трансграничное регулирование.

4. Дополнительных категорий интеллектуальной собственности, которые могли бы быть введены для специфических результатов работы ИИ, а также развитие судебной практики по спорам, связанным с ИИ.

Таким образом, в заключение отметим, что проделанное исследование закладывает основу для дальнейшей комплексной работы по правовому регулированию ИИ в Казахстане. Предлагаемые новеллы законодательства и сформулированные научные положения создают фундамент для развития более гибкого и эффективного правового режима, который будет способствовать инновациям при сохранении защиты авторских и смежных прав.

Библиография

Нормативно-правовые акты:

1. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000006_> (дата обращения: 16 апреля 2025).
2. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» <<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094>> (дата обращения: 16 апреля 2025).
3. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» <<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>> (дата обращения: 16 апреля 2025).
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы» <<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592>> (дата обращения: 16 апреля 2025).
5. Проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071> (дата обращения: 16 апреля 2025).
6. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 года № 427-І <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z9900000427_> (дата обращения: 16 апреля 2025).
7. Copyright Law of the United States (Copyright Act of 1976), 17 U.S.C. §§ 1 et seq. <<https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3939>> (accessed 16 April 2025).
8. UK Copyright, Designs and Patents Act 1988, s 9(3) <<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9>> (accessed 16 April 2025).
9. United States Code, Title 35 - Patents <<https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22357>> (accessed 16 April 2025).
10. Patent Act of 1952 (35 U.S.C. §§ 1 et seq.) <<https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21466>> (accessed 16 April 2025).
11. Copyright Law of Saudi Arabia (promulgated by Royal Decree No. M/41 of 2 Rajab 1424H (August 30, 2003)) <<https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/3593>> (accessed 16 April 2025).
12. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013,

(ЕС) № 2018/858, (ЕС) № 2018/1139 и (ЕС) № 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) (Текст, имеющий значение для ЕЭП) [2024] ОJ L 1689/1, доступно по ссылке: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202401689.

Доктрина:

1. European Parliament, 'Resolution of 20 October 2020 on Intellectual Property Rights for the Development of Artificial Intelligence Technologies (2020/2015(INI))' <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?from=EN&uri=CELEX%3A52020IP0277> (accessed 16 April 2025).
2. UNESCO, 'Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence' (23 November 2021) <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (accessed 16 April 2025).
3. Consolidated Patent Laws (35 U.S.C. §§ 1 et seq.) https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/consolidated_laws.pdf (accessed 16 April 2025).
4. Manual of Patent Examining Procedure (MPEP), 9th edn, Revision 01.2024 <https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/index.html> (accessed 16 April 2025).
5. AIPPI, 'Resolution on Copyright in Artificially Generated Works' (18 September 2019) https://www.aippi.org/content/uploads/2022/11/Resolution_Copyright_in_artificially_generated_works_English.pdf (accessed 16 April 2025).
6. Robert J. Kasunic, 'Letter to Van Lindberg Re: Zarya of the Dawn' (23 February 2023) U.S. Copyright Office <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (accessed 16 April 2025).
7. European Commission, 'Questions & Answers: AI Liability Directive' (28 September 2022) https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_22_5793 (accessed 14 April 2025).

Судебные решения:

1. Goldstein v. California, 412 U.S. 546 (1973) <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/412/546/>.
2. Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, 111 U.S. 53 (1884) <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/>.
3. Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co., 499 U.S. 340 (1991) <https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/771>.

4. *Naruto v. Slater*, 888 F.3d 418 (9th Cir. 2018) <<https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2018/06/SlaterNaruto.pdf>>.
5. *Stephen Thaler v. Shira Perlmutter*, Case No. 1:22-cv-01564, United States District Court for the District of Columbia <<https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.dcd.243956/gov.uscourts.dcd.243956.1.0.pdf>> (accessed 16 April 2025).
6. *Stephen Thaler v. Andrew Hirshfeld*, Case No. 1:20-cv-00903-LMB-TCB, United States District Court for the Eastern District of Virginia <<https://www.proskauerinlifesciences.com/wp-content/uploads/sites/34/2021/09/Thaler-v.-Hirshfeld.pdf>> (accessed 16 April 2025).
7. *Thaler v. Hirshfeld*, No 1:20-cv-903 (ED Va, 2 September 2021) <<https://www.dwt.com/-/media/files/blogs/artificial-intelligence-law-advisor/2021/09/thaler-v-hirshfeld-decision.pdf>> (accessed 16 April 2025).
8. *Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trademarks* [2023] UKSC 2021/0201, UKSC 98 <https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2021_0201_judgment_3f445a5dc7.pdf> (accessed 16 April 2025).

Учебники:

1. Aurelia Tamò-Larrieux, Clement Guitton, and Simon Mayer, *AI and Law: How Automation Is Changing the Law* (2025, Chapman & Hall/CRC, Artificial Intelligence and Robotics Series, ed. Roman Yampolskiy) DOI: 10.1201/9781003386919.
2. Ugo Pagallo, *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts* (Springer 2013), <https://books.google.kz/books/about/TheLawsofRobots.html?id=ZJhB7KHuoUC&rediresc=y> accessed 16 April 2025.
3. Gregory Hallevy, *When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law* (Springer 2013), https://books.google.kz/books?hl=ru&lr=&id=5FvO0aeKpAC&oi=fnd&pg=PR3&dq=When+Robots+Kill:+Artificial+Intelligence+under+Criminal+Law+&ots=kxCzizNs31&sig=WkLLsNJJMGcnod2nl2mjP_kvVHs&redir_esc=y#v=onepage&q=When%20Robots%20Kill%3A%20Artificial%20Intelligence%20under%20Criminal%20Law&f=false accessed 16 April 2025.
4. Paul Burgess, *AI and the Rule of Law: The Necessary Evolution of a Concept* (HART Publishing 2025) ISBN HB: 978-1-50996-317-1 ePDF: 978-1-50996-319-5.
5. Harry Borovick, *AI and the Law: A Practical Guide to Using Artificial Intelligence Safely* (2025, London, UK) ISBN-13 (pbk): 979-8-8688-0399-4 ISBN-13 (electronic): 979-8-8688-0400-7, <https://doi.org/10.1007/979-8-8688-0400-7> accessed 16 April 2025.

6. Alessandro Stasi and Tan Weng Chiang, *An Introduction to Legal, Regulatory and Intellectual Property Rights Issues in Biotechnology* (Bentham Science Publishers 2023) ISBN (Online): 978-981-5080-62-9.
7. Alberto Quintavalla and Jeroen Temperman (eds), *Artificial Intelligence and Human Rights* (Oxford University Press 2025) ISBN 978-0-19-288248-6, DOI: 10.1093/oso/9780192882486.001.0001.
8. Joseph Lee and Aline Darbellay, *Data Governance in AI, Fintech and Legaltech: Law and Regulation in the Financial Sector* (Edward Publishing Limited 2025) <http://dx.doi.org/10.4337/9781800379954> accessed 16 April 2025.
9. Maria Iglesias, Sheron Shamuilia and Amanda Anderberg, *Data Protection in the EU: Legal and Regulatory Framework* (1st edn, Publications Office of the European Union 2021) ISBN 978-92-76-30695-5.
10. Bart Custers and Eduard Fosch-Villaronga (eds), *Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice* (Springer 2025) ISBN 978-94-6265-523-2 (eBook), <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-523-2> accessed 16 April 2025.
11. Henrique Sousa Antunes, Pedro Miguel Freitas, Arlindo L. Oliveira, Clara Martins Pereira, Elsa Vaz de Sequeira and Luís Barreto Xavier (eds), *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* (Springer 2025) e-ISBN 978-3-031-41264-6, <https://doi.org/10.1007/978-3-031-41264-6> accessed 16 April 2025.
12. Ижаев О.А., Кутейников Д.П. Системы ИИ и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход. *Lex russica*. 2024;77(6):23-34. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034>

Научные статьи:

1. Jeffrey Shin, *AI Watch: Global regulatory tracker - China* (31 March 2025) White & Case LLP <https://www.whitecase.com/insight-article/ai-watch-global-regulatory-tracker-china> accessed 14 April 2025.
2. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности ИИ: единство и дифференциация подходов // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2023. – Вып. 3 (41). – С. 190–206. – DOI: 10.58741/231348522023320. – Режим доступа: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729278/>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.
3. Franceschelli, G., & Musolesi, M. (2025). Copyright in generative deep learning (Version 5). arXiv. доступно по ссылке <https://arxiv.org/pdf/2105.09266>
4. Lütge, C., Mittelstadt, B. D., & Taylor, M. J. (Eds.). (2021). *The ethics of artificial intelligence: Anthropocentric perspectives*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-69978-9>

5. Melissa Murray, Richard Gaugeler and Sarah Batarfi, 'Saudi Arabia pioneers regulation of Artificial Intelligence in the Gulf Region with proposed new Intellectual Property Law' (6 July 2023) <https://www.twobirds.com/en/insights/2023/global/saudi-arabia-pioneers-regulation-of-artificial-intelligence> accessed 16 April 2025.
6. Stuart J. Russell and Peter Norvig, Artificial Intelligence: A Modern Approach (4th edn, Pearson 2021) <https://www.pearsonhighered.com/assets/preface/0/1/3/4/0134610997.pdf> accessed 16 April 2025.
7. Reem AlMarzouqi, 'The Patentability of Artificial Intelligence Invention: The Case of Kingdom of Saudi Arabia' (2022) WIPO IP Conference GE 2/22 https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_conv_ge_2_22/wipo_ip_conv_ge_2_22_p4_6.pdf accessed 16 April 2025.
8. Knight, T. & Crouch, D., The Art of Attribution and Three Unlikely Theories of AI Authorship (24 November 2024), <https://patentlyo.com/patent/2024/11/attribution-unlikely-authorship.html> accessed 16 April 2025.
9. Yuqian Wang and Jessie Zhang, 'Beijing Internet Court Grants Copyright to AI-Generated Image for the First Time' (2 February 2024), <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/02/02/beijing-internet-court-grants-copyright-to-ai-generated-image-for-the-first-time/> accessed 16 April 2025.
10. Talkin' 'Bout AI Generation: Copyright and the Generative-AI Supply Chain Katherine Lee, A. Feder Cooper, James Grimmelmman <https://arxiv.org/abs/2309.08133>, <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/3614407.3643696>
11. Wen Z., Tong D. Analysis of the legal subject status of artificial intelligence [Электронный ресурс] // Beijing Law Review. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – Режим доступа: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=122946>, свободный. – Дата обращения: 07.02.2025.
12. С.И. Климкин, 'ИИ: мифы и реальность' (16 апреля 2025) Университет Нархоз и НИИ частного права Каспийского университета https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39256954&searchId=97de68ad-e348-43ef-87da-7461d5da182d&pos=58;14#pos=58;14&sdock_params=text%3D%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%25D1%2583%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%2520%25D0%25B8%25D0%25BD%25D1%2582%25D0%25B5%25D0%25BB%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D39256954%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1%26sort%3D3&sdock_pos=0 accessed 16 April 2025.

13.Тлембаева Ж. У. О правовом регулировании использования ИИ в здравоохранении Республики Казахстан [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-regulirovanii-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-zdravoohranenii-respubliki-kazahstan/viewer>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

14.Сидорова Н. В., Дулатбеков Н. О., Кусаинова Л. К. Artificial intelligence as a legal category and object of legal regulation // Вестник Карагандинского университета. – 2024. – 1 октября. – DOI: <https://doi.org/10.31489/202413/78-90>. – Дата обращения: 07.04.2025.

15. Carlton Daniel, Joseph Grasser and James Collis, 'Copyright protection for AI works: UK против US' (12 July 2023) <https://www.iptechblog.com/2023/07/copyright-protection-for-ai-works-uk-против-us/#> accessed 14 April 2025

16. Andrew Pery, 'Can AI regulations help build trust in the technology?' (22 May 2024) <https://erp.today/pathways-for-achieving-trustworthy-ai/> accessed 14 April 2025

17. Вячеслав Станиславович Витко, Правовая квалификация результатов, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта (2024) Журнал «Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права» УДК 347.78, ISSN 0201-7059.

Отчеты

1. European Commission, EIT Digital, A European Approach to Artificial Intelligence: A Policy Perspective (2020) ISBN 978-91-87253-64-5

2. European Commission, Public Views on Artificial Intelligence and Intellectual Property Policy (October 2020), <https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTOAI-Report2020-10-07.pdf> accessed 16 April 2025.

3. Yulia Anatolyevna Kaftulina and Margarita Anatolyevna Gorshkova, 'BRICS countries in the world market of intellectual property' (2021) Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal, No 1 (65) Art #6521 <https://eee-region.ru/article/6521/> accessed 16 April 2025.

4. Цифровая трансформация: как в Казахстане улучшают качество жизни с помощью технологий [Электронный ресурс] // PrimeMinister.kz. – 2024. – 11 декабря. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/tsifrovaya-transformatsiya-kak-v-kazakhstane-uluchshayut-kachestvo-zhizni-s-pomoshchyu-tekhnologiy-29455>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

Веб-страницы

1. Ryan Paugh, 'Between Guardrails and Growth: AI Leaders Weigh in on EU's Sweeping Regulation' (27 March 2025) <https://seniorexecutive.com/impact-of-eu-ai-act/> accessed 16 April 2025.
2. Mark Summerfield, 'DABUS Denied Down Under – Australian Patent Office Formally Rejects AI Inventor' (26 February 2021) <https://blog.patentology.com.au/2021/02/dabus-denied-down-under-australian.html> accessed 16 April 2025.
3. Елисеева Е. В. Мажилисе презентовали законопроект об ИИ [Электронный ресурс] // Zakon.kz. – 2025. – 3 марта. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6469053-v-mazhilise-prezentovali-zakonoproekt-ob-iskusstvennom-intellekte.html>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.
4. Olzhas Bektenov, Kazakhstan Developed AI Strategy and Law (31 January 2025), https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-razrabotal-strategiyu-zakon-iskusstvennom-561268/ accessed 16 April 2025.
5. Yulia Anatolyevna Kaftulina and Margarita Anatolyevna Gorshkova, 'BRICS countries in the world market of intellectual property' (2021) Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal, No 1 (65) Art #6521, <https://eee-region.ru/article/6521/> accessed 16 April 2025.
6. Dulatbek Ikbaev and Denis Emelyantsev, 'McKinsey: K 2030 godu vklad II v mirovoi VVP dostignet \$13–20 trln' (6 July 2024), <https://forbes.kz/articles/mckinsey-k-2030-godu-vklad-ii-v-mirovoy-vvp-dostignet-13-20-trln-824162> accessed 16 April 2025.
7. Дожина, Е. (2023, 17 апреля). Как ИИ изменяет наше общество. URL: <https://www.dw.com/ru/kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenaet-nase-obsestvo/a-65331410>;
8. Известия. (2021, 25 июня). США заявили о лидерстве по ИИ благодаря КНР и РФ, URL: <https://iz.ru/1183929/2021-06-25/ssha-zaiavili-o-liderstve-po-iskusstvennomu-intellektu-blagodaria-kr-i-rf>;
9. Astana Hub, 'ИИ как драйвер будущего: Казахстан развивает экосистему ИИ' (17 апреля 2025) <https://astanahub.com/ru/article/ii-kak-draiver-budushchego-kazakhstan-razvivaet-ekosistemu-iskusstvennogo-intellekta> accessed 17 April 2025.
10. Astana Hub, 'Подростки смогут бесплатно обучаться азам анимации и программированию' (17 апреля 2025) <https://astanahub.com/ru/article/podrostki-smogut-besplatno-obuchatsia-azam-animatsii-i-programmirovaniuu> accessed 17 April 2025.
11. Chris Weston, Maria Strong, Peter Yu, Shira Perlmutter, International Copyright Issues and Artificial Intelligence (26 July 2023) <https://www.copyright.gov/events/international-ai-copyright-webinar/International-Copyright-Issues-and-Artificial-Intelligence.pdf> accessed 16 April 2025.

12. Штраф за воздействие ИИ на человека появится в Казахстане [Электронный ресурс] // MyBuh.kz. – Режим доступа: <https://mybuh.kz/useful/shtraf-za-vozdeystvie-iskusstvennogo-intellekta-na-cheloveka-poyavitsya-v-kazakhstane.html>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

13. Темир Ш. Впервые в Казахстане: автор Forbes.kz получил авторские права на произведение, сгенерированное ИИ [Электронный ресурс] // Forbes.kz. – 2023. – 14 ноября. – Режим доступа:

<https://forbes.kz/articles/vpervyievkazahstaneavtorforbeskzpoluchilavtorskiepravanaproizvedeniesgenerirovannoeii>, свободный. – Дата обращения: 07.04.2025.

14. Adnan Masood, 'Intellectual Property Rights and AI-Generated Content — Issues in Human Authorship, Fair Use Doctrine, and Output Liability' (4 April 2025) <https://medium.com/@adnanmasood/intellectual-property-rights-and-ai-generated-content-issues-in-human-authorship-fair-use-8c7ec9d6fdc3> accessed 27 April 2025.

15. Bruce Wang, Stefaan Meuwissen and Zhen (Katie) Feng, 'Beijing Internet Court grants copyright protection for AI artworks, but copyrightability debate of AI-generated output continues' (6 December 2023) <https://www.hoganlovells.com/en/publications/beijing-internet-court-grants-copyright-protection-for-ai-artworks-but-copyrightability-debate-of-ai-generated-output-continues> accessed 27 April 2025.

Приложение №1

Сравнительная таблица представленных авторских рекомендаций по улучшению законодательства Республики Казахстан

№ п /п	Структурный элемент	Редакция проекта	Редакция предлагаемого изменения или дополнения	Обоснование
1	2	3	4	5
1	подпункт 1) Статьи 1	Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе В настоящем Законе используются следующие основные понятия: 1) ИИ – информационно-коммуникационная технология, позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений;	Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе В настоящем Законе используются следующие основные понятия: 1) ИИ – информационно-коммуникационная технология, которая предназначена для работы с различными уровнями автономности , позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений	Рекомендуется упоминание об уровне автономности ИИ в термине, поскольку за каждой работой и результатом ИИ всегда стоит степень воздействия пользователя

2	Подпункт 7) статьи 1 проекта	Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе В настоящем Законе используются следующие основные понятия: ... 7) генеративная система ИИ – система ИИ, осуществляющая генерацию синтетических результатов деятельности системы ИИ включая, изменение биометрических данных (изменение голоса, изображения лица, видеоизображения, движений и другие), изменение реальности, а также осуществление иных аналогичных действий на основании запроса пользователя; ...	Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе В настоящем Законе используются следующие основные понятия: ... 7) генеративная система ИИ – система ИИ, осуществляющая генерацию синтетических результатов деятельности системы ИИ включая, изменение биометрических данных (изменение голоса, изображения лица, видеоизображения, движений и другие), изменение реальности, а также осуществление иных аналогичных действий на основании запроса пользователя; ...	По аналогии с подходом по дополнению подпункт 1) Статьи 1, следует указать, что генеративный ИИ создает итоговый результат в ответ на запрос пользователя (сначала активное действие пользователя, затем результат)
3	Подпункт 8) статьи 1 проекта	Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе	В подпункте 8) статьи 1 проекта после слова «информация» дополнить словами «или объект»;	В результате деятельности ИИ возможно получение не только информации, но и определенного объекта в

		В настоящем Законе используются следующие основные понятия: ... 8) результат деятельности системы ИИ – это информация, независимо от формы её представления, или действия, включая работы и услуги, производимые (или) оказываемые системой ИИ;		виде изображения или видеоматериала
4	Заголовок статьи 23 проекта	Статья 23. Право интеллектуальной собственности на произведения, созданные с использованием систем ИИ	В заголовке статьи 23 проекта слово «произведения» заменить словом «объекты»;	Слово “произведение” предполагает охват его сферой действия только авторского права, хотя понятие интеллектуальной собственности включает в себя результаты интеллектуальной творческой деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота